

Н. Богдановъ-Бѣльскій. За чтениемъ.
Музей Императорской Академіи Художествъ.

Избалованный.

Веселая повесть въ духъ времени.

Ал. Лугового.

(Продолженіе).

XIV.

Артюхова, накинувъ на голову кашюшонъ своего морского плаща, сказала Молодцыгину:

— Вотъ вамъ жарко,—отъ ходьбы, вѣроятно, а я засидѣлась и чувствую свѣжесть вечера. Пора и домой.

— Посидите!.. — почти жалостливо произнесъ Иванъ Ѳедоровичъ.—И совѣмъ не свѣжо... Это вамъ только такъ кажется. Вечеръ на рѣдкость теплый.

— Можетъ-быть,—согласилась Артюхова.—У меня, когда вечеромъ читаю, бываетъ нервное чувство холода.

Молодцыгиня, обрадовавшись, подхватила:

— Вотъ, вотъ! Это бываетъ... А въ воздухѣ тепло,—жарко...

— И онъ опять отеръ струившійся потъ съ шеи и затылка и, стараясь быть любезнымъ, произнесъ:

— Посидите.

Молодая дѣвушка добродушно улыбнулась:

— Да вѣдь вы шли сюда, ища уединенія.

Иванъ Ѳедоровичъ съ комическимъ неудовольствіемъ отвѣтилъ:

— Эхъ, ужъ это мнѣ уединеніе!.. Надоѣло мнѣ мое одиночество за долгую-то жизнь по горлышко... И постоянно на людяхъ торчать тоже надоѣло. А вотъ въ этакое-то уединеніи, вдвоемъ, такъ чего же лучше!..

Артюхова смѣялась:

— А я вотъ, представьте, люблю уединеніе, такъ ужъ уединеніе—одиночество.

— Это оттого, что вы еще молоды. Вѣдь вы чтѣ?.. Еще ребенокъ... Молодымъ-то и я думалъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего лучше одиночества... Влюблялся—былъ любимъ... Казалось, жизнь вотъ готовъ отдать за любимый предметъ... Ну, а больше того былъ влюбленъ въ свободу. Какъ, бывало, дѣло дойдетъ до женитьбы-то, я и струшу—на повятую... А только—я влюбчивый былъ...

— Ну, стало-быть, вы никогда особенно сильно не любил.

— Чтѣ вы! Помилуйте. Страдалъ, пылалъ, плакалъ! Но только какъ, бывало, подумаешь: „А чтѣ, если вдругъ разочаруешься?.. Вѣдь, въ сущности, невѣсту-то ты хорошенько не знаешь, и она тебя не знаетъ. А вѣдь свяжешь себя на всю жизнь...“ А жизнь-то казалась тогда такой долгой-долгой... И казалось, не вѣсть какія радости тебя въ ней ожидаютъ... А вотъ теперь локоть близокъ, да не укусишь: всѣ мои невѣсты выходили замужъ, а я старымъ холостякомъ остался.

Артюхова посмотрѣла на него съ добродушнымъ сожалѣніемъ и почти участливо спросила:

— А вы развѣ теперь хотѣли бы жениться?

Молодцыгиня, смущенный, какъ наивный юноша, застѣнчиво, но въ то же время какъ-то неожиданно для самого себя, очень твердо проговорилъ:

— Хотѣлъ бы.

Но сейчасъ же, самъ испугавшись своей смѣлости, смутился еще больше и виноватымъ тономъ спѣшилъ поправить свою оплошность:

— Только вы, пожалуйста, не подумайте, что я хочу объясниться вамъ въ любви... Нѣтъ, нѣтъ!..

Артюхова немолжно лукавымъ, вызывающимъ тономъ подзадорила его:

— Не хотите вы жениться, нѣтъ... Вотъ вы и сейчасъ бы струсили.

Молодцыгиня горячо возразилъ:

— Ей-Богу, не струсилъ бы... Я вѣдь, конечно, знаю, что вы шутите... что вы можете посмѣяться надо мной... легко можете завлечь меня, оставить въ дуракахъ, если захотите. Но я бы и передъ этимъ не струсилъ. Теперь мнѣ терять нечего... Но нѣтъ, не то, совѣмъ не то. Я говорю вамъ: „не подумайте, что я буду въ любви вамъ признаваться“—не изъ этого страха, чтобъ вы меня не полонили,—нѣтъ, у меня теперь страхъ другой: я всякую дѣвушку, какъ вы, оскорбить боюсь своимъ признаніемъ. Мало ли кто мнѣ понравится, да вѣдь надо, чтобъ я-то

кому-нибудь понравился... Этихъ-то, которыя безъ любви на любовь идутъ,—много—хоть прудъ пруди. Этихъ-то я не боюсь, не струшу. А вѣдь жениться надо по любви,—вотъ тутъ-то и заковыка. Самъ я признаться не посмѣю, а поди-ка, дождись, чтобъ мнѣ-то кто-нибудь въ любви признался... Не всякому еще и другу-то скажешь объ этомъ желаніи-то, полюбить-то по-настоящему... Такъ развѣ... подъ видомъ, что самъ надъ собой посмѣешься... А вѣдь въ душѣ-то иногда, право, не смѣшно...

Артюхова, слушая, смотрѣла на него съ такимъ непосредственнымъ изумленіемъ, точно предъ нею въ невѣдомомъ лѣсу выросъ вдругъ изъ земли человекъ невиданной породы, и потомъ, отдаваясь хорошему душевному порыву, тихо и нѣжно произнесла:

— А знаете, вѣдь вы, должно-быть, славный?..

Иванъ Ѳедоровичъ смутился уже окончательно. Горячо, точно внутри его, что-то заволновалось, заклокотало; онъ заговорилъ, прерываясь и ища словъ. И при этомъ машинально, самъ того не замѣчая, все вытиралъ платкомъ потное лицо и шею:

— Славный?.. Я-то?.. кто знаетъ?.. Худого ничего не дѣлаю никому... Ну, обидѣлъ если кого, обманулъ, такъ, право, не нарочно. Нечаянно. По-дружески. А любили вѣдь и меня прежде. Стало-быть, стоилъ. Въ наше время вѣдь не такъ любили, какъ нынче,—горячѣй! сильнѣй!..

Артюхова не могла удержаться отъ иронической улыбки и сказала:

— Вы думаете?.. А мнѣ такъ кажется, что истинная любовь во всѣ вѣка была одинакова...

— Не знаю-съ! Можетъ-быть. А только я сужу, вотъ, и по нынѣшней молодежи, которая такъ легко сходится, расходится... Это не любовь-съ... Это мы, въ дни нашей молодости, иначе называли...

Молодцыгиня пріостановилась и робко взглянулъ въ лицо Артюховой, точно хотѣлъ провѣрить по ея впечатлѣнію, не сказалъ ли онъ чего-нибудь лишняго. Но она слушала его доброжелательно, съ той снисходительностью, съ какой взрослый относится къ лепету ребенка. И, поощренный ея добрымъ взглядомъ и улыбкой, Иванъ Ѳедоровичъ продолжалъ раскрывать передъ молодой дѣвушкой свою давно жаждавшую признаній душу. Онъ говорилъ:

— Вотъ вы тѣ замѣтите: вамъ на свадьбахъ случается бывать?

— Разъ въ жизни была.

— Ну, а мнѣ въ одномъ только прошломъ году на четырехъ пришлось быть. Такъ вотъ замѣтите, ни разу пѣвчіе не пѣли: „Гряди, голубице!“

— Ну, такъ чтѣ же?

— А какъ вы думаете: почему?

— Не знаю.

— А, я думаю, потому, что голубицъ-то чистыхъ нынче не стало. Артюхова разсмѣялась:

— Вы это шутя или серьезно?

Разсмѣялся и Молодцыгиня:

— А ужъ это какъ вамъ будетъ угодно. Я только докладываю, чтѣ, такъ-сказать, выражаясь по-ученому, попадаетъ въ мое поле зрѣнія.

Артюхова помолчала и серьезно сказала:

— Вы наблюдательны.

Иванъ Ѳедоровичъ съ напускной скромностью отвѣтилъ:

— Не знаю-съ. Толкаюсь между людьми-то, смотрю, слушаю, кое-что почитываю, вспоминаю старое, сравниваю...

И, тоже помолчавъ, съ нѣкоторой грустью произнесъ:

— Вотъ хоть бы литература нынѣшняя; всѣ эти стишки декадентскіе...

— А вы и стихи читаете?

— Такъ, случается иногда, попадутся въ журналчикахъ... Не трогаютъ они меня. Не такъ прежде писали. Или старъ ужъ, что ли, я сталъ. Только, прежде-то, бывало, еще въ училищѣ, ужъ не говоря тамъ Лермонтова, а всякихъ стиховъ много наизусть училъ!.. Душа пламенѣла, какъ читаешь-то, бывало...

Стараясь, чтобъ въ ея тонѣ не проскользнула иронія, Артюхова сказала:

— Это любопытно... Ну, напримѣръ, вы помните, что-нибудь?

— Нѣкоторые помню...

— Ну, скажите...

Молодцыгинъ подумалъ:

— Да вотъ, напримѣръ. Грубера стихотвореніе... Старикъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, писали, умеръ; и что-то не слышно было его лиры въ послѣднее время...

Артюхова замѣтила:

— Это умеръ Груберъ—анатомъ. Онъ стиховъ не писалъ.

Иванъ Ѳедоровичъ немножко растерялся:

— Ну, не знаю!.. А только, и помню, училъ за Грубера...

— Вы, можетъ-быть, забыли: былъ поэтъ Губеръ.

Молодцыгинъ опять оживился:

— Ну, Губеръ, такъ Губеръ... Этого я ужъ не помню... А стихотвореніе, какъ сейчасъ, помню!

— Прочтите.

Иванъ Ѳедоровичъ отеръ теперь платкомъ не только лобъ и шею, но и губы, и, вперивъ взоръ въ пространство, высоко поднимая въ увлеченіи то одну руку, то другую, патетически сталъ читать:

— Краса, природы совершенство,
Она моя, она моя!
Кто разорветъ мое блаженство,
Кто вырветъ дѣву у меня?
Пуускай идутъ цари земные
Съ полками воиновъ своихъ,
Несутъ снаряды боевые,—
Я смѣлой грудью встрѣчу ихъ...
Пусть Богъ съ лазурнаго чертога
Придетъ меня съ ней разлучить—
Возстану я и противъ Бога,
Чтобы ея не уступить!
Я не убійца, не предатель,
Не дышитъ злобой грудь моя,
Но за нее и Самъ Создатель
Затрепеталъ бы у меня!..

И, произнося послѣднюю фразу, Иванъ Ѳедоровичъ такъ же въ пространство, ни къ кому не обращаясь, внушительно сказалъ:

— Вы, нынѣшніе, ну-тка!..

Артюхова теперь уже закусила губы, чтобъ не разсмѣяться, и, не рѣшаясь смотрѣть на Молодцыгина, опустила глаза какъ бы въ раздумьѣ.

А онъ раза два-три глубоко вздохнулъ, чтобъ отдышаться послѣ сильной декламации; потомъ, смотря на Артюхову и объясняя себѣ задумчивую молчаливую позу ея произведеннымъ имъ на нее впечатлѣніемъ, онъ съ трогательной восторженностью спросилъ:

— Ну, чтѣ же, барышня, хорошо?

Артюхова уже успѣла овладѣть собой и съ добродушной усмѣшкой, ласково сказала:

— А меня такъ вотъ это не трогаетъ. Мнѣ кажется, это немножко ужъ черезчуръ сильно... Я скромнѣе...

Молодцыгинъ опять смутился и почти робко произнесъ:

— Да вѣдь и я скромный. Это вѣдь такъ только—въ стихахъ...

Артюхова успокоила его:

— Ну, разумѣется!... Но...

И, уже подсмѣиваясь, она стала объяснять ему свое „но“:

— Вы только подумайте: какіе бы такіе цари съ полками своихъ воиновъ пошли бы отнимать, напримѣръ, меня? Или: развѣ въ самомъ дѣлѣ вы испугали бы Господа Бога вашими угрозами, если бы Онъ вздумалъ призвать въ лоно Авраамово вашу возлюбленную?..

Молодцыгинъ уже совсѣмъ развеселился и воскликнулъ:

— Ну, конечно, конечно!... А только-что, знаете: какъ, бывало, я эти стихи читалъ, такъ вотъ казалось, такъ оно и есть, какъ оно тутъ сочинено.

Артюхова съ снисходительной улыбкой сказала:

— Бывало, не только вы были помоложе, но и все человѣчество помоложе было. Ну, а мы, нынѣшніе молодые, принадлежимъ къ человѣчеству постарше—мы увлекаемся уже другимъ.

Онъ, одобрительно качая головой, говорилъ:

— Вѣрно... вѣрно...

И они оба посмотрѣли другъ на друга хорошимъ, дружескимъ взглядомъ.

Иванъ Ѳедоровичъ взялъ ласковую дѣвушку за руку и, крѣпко пожимая эту маленькую, почти дѣтскую руку, довѣрчиво сказалъ:

— А вѣдь вы славная!..

Она такъ же довѣрчиво улыбнулась:

— Можетъ-быть. Какъ и вы же: стараюсь никого не обидѣть...
XV.

Увлеченные своимъ разговоромъ, они не слыхали, какъ къ нимъ приблизились тоже ушедшіе отъ гостей, чтобъ пройти по парку, Нина Михайловна и Пенинскій.

Молодцыгинъ едва успѣлъ ихъ замѣтить, а уже Нина Михайловна подъ впечатлѣніемъ неожиданности встрѣчи и удивленно и какъ-то неумѣстно-шутливо протяжно произнесла:

— Вотъ вы гдѣ!

Молодцыгинъ всталъ и дружескимъ, но почтительнымъ тономъ, съ лукавой улыбкой, сказалъ:

— А почему бы мнѣ и не быть здѣсь?

Нина Михайловна также улыбнулась:

— Почему бы и не быть.

— Развѣ вы меня искали?

Нина Михайловна опять пошутила:

— Нѣтъ. Нашла совсѣмъ нечаянно.

И она перевела взглядъ на Артюхову.

Молодцыгинъ поспѣшилъ съ достоинствомъ представить ее:

— Одна изъ нашихъ дачницъ. У полковника Иванова—учительница, Ольга Петровна Артюхова.

Нина Михайловна только легкимъ наклоненіемъ головы привѣтствовала Артюхову, точно еще не рѣшаясь подать ей руку.

Молодцыгинъ съ еще большимъ достоинствомъ поспѣшилъ добавить:

— Владиміръ Ильичъ только-что былъ здѣсь и приглашалъ Ольгу Петровну въ домъ.

Артюхова теперь встала, съ выжидательнымъ, спокойнымъ выраженіемъ смотря на Китаеву; та, не спѣша, протянула ей руку,— Артюхова пожала ее.

Нина Михайловна спросила Молодцыгина:

— А гдѣ же Володя?

— А онъ пошелъ навстрѣчу Музѣ Андреевнѣ. Они съ Константиномъ Антоновичемъ его ищутъ.

Нина Михайловна безучастно произнесла:

— А! — и, обратившись къ Артюховой, уже любезно, какъ хозяйка, спросила:—Вы давно пріѣхали?

Артюхова отвѣтила простымъ, спокойно-вѣжливымъ тономъ:

— Вчера.

— Надѣюсь, вамъ здѣсь понравится.

— Здѣсь хорошо.

Теперь, уже обращаясь одновременно къ Артюховой и къ Молодцыгину, Нина Михайловна сказала:

— Чтѣ же это Володя оставилъ васъ здѣсь?

Артюхова отвѣтила:

— Да мнѣ уже домой пора... Свѣжо и поздно...—И она протянула Нинѣ Михайловнѣ руку:—До свиданья.

Голосъ, взглядъ, манера говорить и держать себя—все въ этой хрупкой дѣвушкѣ, подъ чернымъ капюшономъ похожей на монашенку, подкупало Китаеву въ ея пользу, и теперь, отвѣчая на ея прощальное рукопожатіе, Нина Михайловна уже дружески сказала ей:

— Ну, такъ до другого раза. Надѣюсь, будемъ видѣться.

Артюхова ничего не отвѣтила, только съ ласковой улыбкой поклонилась и, повернувшись, чтобы уходить, слегка наклонила также голову и въ сторону Пенинскаго.

Пенинскій тоже отвѣтилъ ей молчаливымъ наклоненіемъ головы, но при этомъ взглянулъ и на Нину Михайловну, какъ бы предлагая ей, чтобъ она еще познакомила его съ уходящей.

И Китаева, прежде чѣмъ Артюхова успѣла отойти отъ нихъ, указала ей жестомъ руки на Пенинскаго и назвала его:

— Антонъ Сергѣевичъ Пенинскій...

Пожимая протянутую ему дѣвушкой руку, Пенинскій спросилъ:

— Скажите, вы не родственница художника Петра Михайловича Артюхова?

Лицо Артюховой сразу оживилось и стало очень серьезнымъ;

Р. Сорби. Встрѣча Данте и Беатриче.

В. Бугро. Исповѣдь Амура.

она пылливо посмотрѣла на Пенинскаго и съ спокойнымъ достоинствомъ отвѣтила:

— Да, я родная дочь его.

Пенинскій серьезно сказалъ:

— Мы были съ нимъ въ юности большими друзьями. Вмѣстѣ учились въ гимназiи. Потомъ я сдѣлался инженеромъ, а онъ художникомъ. Мы потеряли другъ друга изъ виду... Гдѣ теперь вашъ батюшка?

— Онъ умеръ восемь лѣтъ тому назадъ.

Пенинскій сочувственно покачалъ головой и осторожно спросилъ:

— Вашу матушку зовутъ Марья Александровна?

Артюхова, сохраняя свое серьезное, грустно-спокойное выраженіе лица, отвѣтила:

— Да... звали... Вы знали ее?

— Я зналъ ее еще, когда она была невѣстой Петра Михайловича. Съ тѣхъ поръ мы не встрѣчались.

Артюхова сказала:

— Она умерла за годъ до смерти папы.

Пенинскій молча, съ выраженіемъ сочувствiя, смотрѣлъ на нее, не зная, что сказать.

Нина Михайловна вмѣшалась съ участливымъ словомъ:

— Вамъ пришлось провести сиротливое дѣтство.

— Я воспитывалась у тетки — сестры матери.

— У васъ есть братья, сестры?

— Я одинока.

— Это, должно-быть, тяжело — чувствовать съ дѣтства свое одиночество.

Артюхова съ спокойной улыбкой, сдержанно произнесла:

— Не знаю... я другого состоянiя не испытала. А жизнь такъ полна интереса...

Нина Михайловна ласково посмотрѣла на нее и сказала:

— Какъ это хорошо, что у васъ такой свѣтлый взглядъ на жизнь!

Артюхова отвѣтила:

— Такъ я всегда чувствую себя лучше.

Она любезно поклонилась общимъ поклономъ, сказала:

— Покойной ночи! — и отступила шагъ назадъ, чтобы уходить.

— До свиданья! Покойной ночи! — отвѣтили ей Пенинскій и Нина Михайловна.

А Молодцыгинъ сказалъ:

— Ну, а я провожу барышню.

Артюхова любезно попробовала отклонить:

— Не беспокойтесь, я знаю дорогу.

Но Молодцыгинъ произнесъ:

— Нѣтъ, ужъ позвольте побезпокоиться! Мнѣ по пути. — И, уходя съ Артюховой, сказалъ Нинѣ Михайловнѣ: — Потомъ я опять въ домъ приду.

Онъ пошелъ напрасно. Разговоръ съ Ольгой Петровной у него уже не клеился. Не рѣшался онъ заговорить объ ея „сиротствѣ“, какъ сейчасъ говорила съ нею объ этомъ Нина Михайловна, находилъ неумѣстнымъ упоминать и о своемъ одиночествѣ. Попробовалъ-было выразить восхищеніе красотой луны; но, услыхавъ въ отвѣтъ односложное „да“, замолчалъ. Артюхова къ его присутствiю относилась теперь совершенно безучастно. Разговоръ съ Пенинскимъ вызвалъ въ ея памяти такія воспоминанiя прошлаго и думы о будущемъ, что настоящее отодвинулось сейчасъ же въ тѣнь ихъ. Молча дошла она съ Иваномъ Ѳедоровичемъ до дому и на его пожеланіе „пріятныхъ сновъ“ дружески пожала ему руку, пожелавъ „покойной ночи“.

XVI.

А Китаева и Пенинскій, какъ только Молодцыгинъ съ Артюховой удалились отъ нихъ, подошли ближе къ круглой скамейкѣ и сѣли рядомъ.

Нина Михайловна сказала:

— Она премиленькая, эта дѣвочка.

Пенинскій горячо отвѣтилъ:

— Хорошій малый былъ ея отецъ!.. Я любилъ его. Но жизнь развела насъ... Онъ, едва окончивъ академію, попался какъ дѣятельный членъ какой-то революціонной организаціи. Былъ приговоренъ къ каторгѣ, помилованъ и сосланъ на поселеніе въ Сибирь. Очевидно, тамъ и умеръ; я только не рѣшился сейчасъ спрашивать ее объ этомъ.

Лицо Нины Михайловны на минуту сдѣлалось печальнымъ, и она сочувственно произнесла:

— Бѣдная! — Потомъ спросила: — А мать?..

— Я зналъ ее только ученицей консерваторiи. Когда Артюховъ женился, я былъ уже за границей. По слухамъ, я зналъ, что она поѣхала въ Сибирь за нимъ и въ ближайшемъ городѣ отъ мѣста его ссылки была учительницей музыки. Вѣроятно, и дѣвочка жила тамъ же, пока, послѣ ихъ смерти, не попала, какъ она говоритъ, къ теткѣ. А тетка ея была въ то время, когда я зналъ ее, учительницей частной гимназiи въ Петербургѣ.

Нина Михайловна замѣтила:

— Въ дѣвчкѣ есть что-то гордо-спокойное.

Пенинскій опредѣлилъ:

— Сибирячка!

Помолчавъ, онъ, съ опущенной головой, задумчиво произнесъ:

— Счастливые люди эти были: способные на сильныя чувства, на смѣлыя дѣйствiя... Они вѣрили, что любятъ другъ друга...

Нина Михайловна взглянула на него съ вызывающимъ видомъ:

— Что ты хочешь этимъ сказать?

Онъ поднялъ голову и ласково, смотря прямо ей въ лицо, сказалъ:

— Ничего, кромѣ того, что хорошо быть увѣреннымъ въ безкорыстной и безграничной любви.

Нина Михайловна съ нѣжнымъ упрекомъ взяла его руку въ свою:

— Тоня!.. Будто ужъ у тебя такъ мало увѣренности въ моей любви?

Онъ немного грустно возразилъ:

— Развѣ я сказалъ это?.. Но видишь ли... вся наша любовь иногда кажется мнѣ не прекраснымъ самородкомъ, — вольнымъ подаркомъ матери-природы, — а какимъ-то, хотя бы тоже прекраснымъ, но искусственнымъ... архитектурнымъ сооруженіемъ — и даже безъ выдержаннаго стиля. Въ нашихъ отношенiяхъ такъ много всякой условной лжи, что, право, мнѣ думается, что мы обманываемъ больше всего самихъ себя... свое чувство... Слава Богу, хоть не былъ обманутъ твой мужъ!..

Нина Михайловна заговорила тономъ обиженной:

— Тоня!.. Ты знаешь, я не способна ни на какой обманъ. Я была вѣрна до гроба покойному Ильѣ Максимовичу, буду такой же вѣрной женой и тебѣ... Чего же ты хочешь?

Въ его отвѣтъ прозвучалъ затаенный упрекъ:

— Я ничего не хочу. И хотѣть нечего. Потому что ничего измѣнить нельзя... хотя...

Онъ не договорилъ. Она настойчиво спросила:

— Что: хотя?

Онъ все тѣмъ же спокойно-грустнымъ тономъ отвѣтилъ:

— Хотя все это можно было бы покончить разомъ и отдаться наслажденію жизнью, наслажденію нашей любовью.

— Ты знаешь препятствiя...

— Вотъ, про то и говорю. У тѣхъ — у Артюховыхъ — не было ихъ. Они ихъ не знали. А мы сами создаемъ себѣ ихъ.

— Столько же создаешь ихъ ты, сколько я. Я не хочу, чтобъ Володя женился на Ленѣ, а ты этого хочешь.

— Ты не хочешь изъ эгоизма; я же хочу — изъ уваженія къ ихъ молодой любви. Лена любитъ Володю, Володя, видимо, къ ней равнодушенъ; если мы, съ своей стороны, будемъ содѣйствовать, мы соединимъ нашихъ дѣтей, и вопросъ будетъ поконченъ.

Нина Михайловна въ отчаянiи сжала руки и тономъ горькаго упрека, со слезами на глазахъ и въ голосѣ, произнесла:

— Тоня, Тоня!.. Зачѣмъ ты огорчаешь меня? Сколько разъ я просила тебя не ставить этотъ вопросъ на такую почву... Я не хочу быть только твоей гражданской женой и допустить при этомъ бракъ между нашими дѣтьми. Въ моемъ мозгу не совмѣщаются такія отношенiя...

— Это потому, что ты не достаточно любишь меня. Ужъ на поселеніе со мной ты, конечно, не пошла бы!

— Тоня! Чтѣ ты говоришь!.. Я страстно люблю тебя. Но зачѣмъ же на поселеніе? Я хочу радостей жизни, счастья... При чемъ тутъ поселеніе?

Пенинскій помолчалъ и потомъ немного вызывающимъ тономъ сказалъ:

— Хочешь радостей — и всячески оттягиваешь наступление их.

— Что жь дѣлать! Не виновата, я что Илья Максимовичъ написал такое завѣщаніе. И, право же, подождать, можетъ-быть, какой-нибудь годъ, пока Володя выберетъ себѣ невѣсту...

— Вотъ, вотъ! У тебя на первомъ планѣ расчетъ,—съ саркастической усмѣшкой подзадорилъ ее Пенинскій.

— Не правда, Тоня! Ты обижаешь меня.

Нина Михайловна затуманилась. Сердце у нея застучало, слезы обиды клубкомъ подступали къ горлу; ей хотѣлось рѣзко проявить свое озлобленіе, — но она сдержала себя. И послѣ минутнаго раздумья рѣшительнымъ, твердымъ тономъ произнесла:

— Хорошо, я могу доказать тебѣ, что у меня не расчетъ. Женись на мнѣ сейчасъ же. Пусть вмѣсто третьей части наслѣдства я получу одну седьмую—пускай такъ. Но дай мнѣ счастье скорѣе быть твоей женой! Покажи, что ты любишь меня, а не мои деньги...

Пенинскій смутился, взявъ ее руку, сталъ гладить ее, поцѣловалъ и заговорилъ ласково, успокоительно:

— Нина! Зачѣмъ ты такъ раздражаешься? Люблю тебя, Нина,—не деньги твои, *тебя* люблю... Какъ можно говорить объ этомъ... Но я согласенъ лучше ждать, чѣмъ обвиняться съ тобой до женитьбы Володи.

Нина Михайловна отдернула отъ него свою руку, немного выпрямилась и многозначительно сказала:

— Ага!.. Теперь ты!.. Ясно все!

Пенинскій опять взялъ серьезный, почти строгій тонъ:

— Да, Нина, я повторяю, что уже не разъ говорилъ тебѣ: я не хочу ставить нашимъ бракомъ преграды къ возможному браку между Володей и Леной.

Нина Михайловна страстно заговорила:

— Но пойми, что они молоды, предъ ними вся жизнь! Каждый изъ нихъ найдетъ еще свою любовь и счастье... Они могутъ пожертвовать своей любовью для насъ... А вѣдь я... вѣдь ужъ я больше не найду такой любви, какъ твоя; я не найду такой красоты, какъ ты... Тоня, Тоня!..

И она обвила его шею руками.

Пенинскій, опять дѣлаясь ласковымъ, успокаивалъ ее:

— А ты представь, что та любовь, которая чуть замѣтна, чуть теплится между Володей и Леной, чрезъ нѣкоторое время разгорится яркимъ, неугасимымъ огнемъ. И если—тогда—нашъ бракъ помѣшаетъ ихъ браку, Володя можетъ предложить Ленѣ гражданское сожителство... И... въ моемъ мозгу тоже не вмѣщается мысль, чтобъ я могъ допустить это!..

Нина Михайловна опять обидѣлась, опять заволновалась:

— Ага!.. Отчего же ты не можешь допустить у нихъ того, что хочешь допустить у насъ?

Пенинскій спокойно отвѣтилъ:

— Оттого, что у нихъ должна быть семья, должны быть дѣти...

— А меня ты хочешь лишить этого?.. Ты не хочешь, чтобы у насъ съ тобой была семья, были дѣти?..

— Но они у насъ уже есть въ лицѣ Володи и Лены, будутъ въ лицѣ внуковъ.

Нина Михайловна поднялась, какъ ужаленная. Съ сжатými кулаками, откинувъ руки немного назадъ, точно готовая броситься на врага, она стояла предъ Пенинскомъ и съ горькой ироніей отчитывала его:

— Ха! Внуковъ!.. Ты можешь завести себѣ тогда еще семью, и еще, и еще... Нѣтъ, ты не любишь меня!.. О! я понимаю твои тонкіе расчеты! Да, да, понимаю! Ты хочешь, чтобы все состояніе Китаевыхъ было въ рукахъ Пенинскихъ—и Володино и мое. Не связанный законнымъ бракомъ, ты будешь эксплуатировать меня. Ты не хочешь жениться на мнѣ сейчасъ потому, что тебѣ пріятнѣе будетъ имѣть меня любовницей съ бѣльшимъ капиталомъ, чѣмъ женой съ меньшимъ... Такъ вотъ на зло тебѣ выйду замужъ за другого... сейчасъ же... за кого угодно... за генерала Россина выйду...

Пенинскій, возмущенный, тоже всталъ и съ гордымъ спокойствіемъ остановилъ ее холоднымъ упрекомъ:

— Какъ вамъ не стыдно, Нина Михайловна! Я никогда не давалъ вамъ повода оскорблять меня. Неправда все, что вы говорите.

И онъ круто повернулся, чтобъ уйти.

Но она уже сразу другая. Она схватила обѣими руками его руку, держитъ его и умоляетъ:

— Тоня!.. Тоня!.. Прости меня! Вѣдь все это говорила не я, это говорила страстная любовь моя къ тебѣ. Скажи же, что ты любишь меня!.. Ну, скажи! Скажи!..

Такъ же быстро вернулось и къ нему его любовное настроеніе. Онъ уже смотритъ на нее съ той ласковой усмѣшкой, съ какой смотрятъ на покапризничавшаго ребенка, и, нѣжно цѣлуя ее голову, страстно говоритъ ей:

— Да развѣ можно не любить тебя, зная тебя!

А она взяла его руку подъ локоть, прижалась къ нему и, укрьпившись на завоеванной позиціи, ведетъ атаку дальше. Нѣжно-нѣжно говоритъ:

— Ну, уступи мнѣ, Тоня! Уступи! Сдѣлай то, о чемъ я тебя просила: отошли на время Лену къ твоей сестрѣ въ Кіевъ. Пусть Володя не видитъ ея, забудетъ ее...

Онъ съ горькой усмѣшкой покачалъ головой:

— Какъ ты жестока въ твоей любви...

— Ну, я прошу тебя! Уступи. Дай мнѣ слово! Да?

Она обвила его руками за талию и, русалочнымъ взглядомъ смотря прямо ему въ глаза, прошептала:

— Я уступлю тебѣ во всемъ остальномъ... Хочешь?.. Только удали Лену. Да?

Онъ нѣжно обнялъ ее плечи, поцѣловалъ ее въ лобъ и, какъ побѣжденный, покорно произнесъ:

— Ну, хорошо, хорошо, безумная моя!.. Однако пойдемъ. Вѣдь гости могутъ хватиться: гдѣ же хозяйка дома?

Но Нина Михайловна, ласкаясь, продолжала взволнованнымъ голосомъ шептать:

— Постою еще минуту. Дай насладиться мнѣ... Смотри, какая луна!.. Какая ночь!.. Какая поэзія во всемъ!..

А въ то время, какъ она произносила послѣднія слова, въ аллеѣ показался генералъ Россинъ. Онъ шелъ своей походкой молодящагося старца, со шныряющими по сторонамъ глазами, съ улыбкой во все лицо. И вдругъ, увидавъ Нину Михайловну въ объятіяхъ Пенинскаго, остановился, какъ подстрѣленный. Отъ удивленія онъ почему-то внезапно уперъ руки въ бока фертномъ и смотрѣлъ широко раскрытыми глазами на цѣлующуюся пару. Выраженіе лица его, сначала изумленное, постепенно становилось огорченнымъ, потомъ суровымъ и наконецъ сердитымъ, точно на немъ отражался постепенный ростъ сознанія, что здѣсь игра игриваго генерала была безнадежно проиграна. Онъ нѣсколько разъ медленно изъ стороны въ сторону покачалъ головой, потомъ, напоследокъ, рѣзко кивнулъ ею впередъ, махнулъ рукой и, продолжая прерванный путь, пошелъ по аллеѣ въ направленіи къ пруду, не предполагая, что тамъ онъ еще встрѣтитъ Володю въ искусной дипломатической бесѣдѣ не только съ дождавшейся его Маней, но и съ подоспѣвшей на свиданіе Музой.

XVII.

Прошелъ мѣсяць. Событія шли ускореннымъ темпомъ. Пенинскій уѣхалъ на югъ и увезъ съ собой Лену, оставивъ Котю въ Озерномъ уже въ качествѣ гостя Китаевыхъ. Котя продолжалъ здѣсь ухаживать—теперь не только за Маней, но одновременно и за Музой. Впрочемъ, попрежнему „не серьезно“, а лишь ради практическихъ занятій, дополняющихъ уже усвоенную всѣми ими теорію. И Муза и Маня, въ свою очередь, охотно помогали ему въ этихъ безобидныхъ занятіяхъ. Попытка побѣдить Володю „смѣлостью“ и „скромностью“ оказалась для обѣихъ кузинъ неудачной. И онъ на время и въ-время благоразумно отступили. Володя же увлекся занятіями итальянскимъ языкомъ, чѣмъ очень огорчалъ полковника Иванова, видѣвшаго теперь „нанятую“ имъ учительницу только въ точно установленные ею часы занятій. Полковница однако уже ничего не имѣла противъ частыхъ отлучекъ учительницы изъ дому—лишь бы супругъ не глазѣлъ на „шлендру“ и не бѣгалъ искать ее. Заботясь о его нравственности, она рекомендовала своему Трофимычу почаще „попадать на глаза“ генералу, который за послѣднее время сталъ какъ-то особенно благоволить къ отставному интенданту. И Анна Яковлевна въ малодушномъ любостыжаніи иногда высказывала увѣренность, что генералъ навѣрное далъ бы имъ за деньги гораздо бѣльшіе проценты, чѣмъ кто бы то ни было другой. Но про Павла Тро-

К. Лебедевъ. Торговая сторона Великаго Новгорода.
Музей Императорской Академіи Художествъ.

фимыча не даромъ солдаты говорили, что онъ „на три аршина въ землю видитъ“: большіе проценты его соблазнили, но благо-разуміе заставляло избѣгать генеральскихъ кармановъ для помѣщенія въ нихъ интендантскихъ сбереженій, и вмѣсто этого полковникъ только продолжалъ искусно накапливать сумму генеральскаго незаслуженнаго благоволенія.

А уже приближалось время отъѣзда съ дачъ въ городъ. По-года стала холодной и дождливой, и послѣ ближайшаго воскресенья изъ Озерного собирались уѣзжать всѣ, кромѣ самихъ хозяевъ.

XVIII.

Въ воскресенье Володя всталъ позже обыкновеннаго. Онъ еще пилъ въ столовой вмѣстѣ съ матерью кофе, когда къ нему уже пришелъ съ обычнымъ утреннимъ докладомъ Молодцыгинъ.

Оставивъ на террасѣ калоши и зонтикъ, Иванъ Ѳедоровичъ чрезъ гостиную прошелъ въ кабинетъ; но увидѣвъ, что Володи нѣтъ тамъ, подошелъ къ дверямъ въ спальню, негромко окликнулъ его: — Владиміръ Ильичъ! — и, не получивъ отвѣта, пошелъ черезъ гостиную въ столовую. Но Володя уже встрѣтился ему на порогѣ и на привѣтствіе Ивана Ѳедоровича: — Съ добрымъ утромъ! — дружески протянулъ ему руку и сказалъ:

— А я сегодня заспался: съ вечера не могъ долго уснуть, а подь утро, подь дождикъ, не могъ проснуться. Только сейчасъ вмѣстѣ съ мамой кончилъ кофе.

И посмотрѣвъ на закрытыя двери террасы, Володя произнесъ:

— Брр!.. Какъ сегодня холодно... и сѣро!

Молодцыгинъ протестовалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, дождь уже пересталъ. Съ запада совсѣмъ проясняется.

Они прошли въ кабинетъ Володи.

Володя сѣлъ въ кресло у своего письменнаго стола, Молодцыгинъ — въ кресло сбоку.

Володя спросилъ:

— Ну, чтѣ новаго, Иванъ Ѳедоровичъ?

— Ничего особеннаго. Все благополучно. Пилку двухдоймовыхъ вчера кончили. Доски всѣ вышли хорошія. Новую машину механикъ съ понедѣльника пустить хочетъ. Ну-съ, чтѣ же еще? Изъ Петербурга пишутъ, что за дрова деньги всѣ получены. Брусья грузятъ. Все хорошо и по-хорошему.

— Мнѣ письма есть?

— Нѣтъ, — вамъ нѣтъ! А вотъ Константину Антоновичу есть.

И Молодцыгинъ досталъ изъ бокового кармана письмо.

Володя взялъ его и сказалъ:

— Я передамъ. — Потомъ спросилъ: — Ну, а еще какія новости?

— Да чтѣ еще-то?.. Ничего... Вчера дачники послѣднія деньги за дачи уплатили. Сегодня генераль и полковникъ простятся къ вамъ прийти собираются. На-дняхъ уѣзжаютъ.

— Скатертью дорога... — какъ-то безучастно произнесъ Володя.

Молодцыгинъ поддакнулъ:

— Да ужъ это именно!.. И не знаю, чтѣ сдѣлалось съ нашимъ генераломъ: такой сталъ брюзга, все ищетъ, какъ бы сяззвить, какъ бы сяззвить...

Володя съ усмѣшкой сказалъ:

— Осень подходитъ—къ осени мухи всегда злѣе кусаются. А старья въ особенностяхи.

Молодцыгинъ осторожно намекнулъ:

— Ну, да и молодья тоже—и дочка его! Я думаю, они вамъ простить не могутъ, что вы къ Ольгѣ Петровнѣ съ такимъ вниманіемъ относитесь.

Володя капризнымъ тономъ сказалъ:

— Ну, это ужъ не ихъ ума дѣло.

Молодцыгинъ попрежнему осторожно продолжалъ:

— А интендантъ прямо претендуетъ: зачѣмъ, говоритъ, Владиміръ Ильичъ у меня учительницу отбилъ? Я, говоритъ, ей половину жалованья долженъ сбавить: она больше съ нимъ, чѣмъ съ моимъ племянникомъ занималась.

Володя сердито нахмурился и, еще капризнѣе, протяжно произнесъ:

— Болванъ!

Молодцыгинъ для успокоенія его, смѣясь, сказалъ:

— Ну, да онъ очень-то надуваться не смѣетъ: все надѣется, что я у него денегъ возьму. Я-то ему все генерала сватаю,—тому, видно, сейчасъ до зарѣзу деньги нужны, и онъ ужъ на Ивановато, какъ котъ на сало, умильно поглядывать началъ, а полковникъ все ко мнѣ льнетъ: „вы, говоритъ, отъ меня возьмите, а генералу отъ себя дайте“... Толковая тоже крыса-то!..

Володя вдругъ дѣловымъ тономъ спросилъ:

— Такъ Ивановы когда уѣзжаютъ?

— Говорятъ, что послѣзавтра.

Володя такъ же, какъ сейчасъ капризно сердился, быстро сталъ добродушно веселъ и шутливымъ ласковымъ тономъ сказалъ:

— А знаете чтѣ, Иванъ Ѳедоровичъ? Вы, голубушка, поведите его еще за носъ — чтобы онъ не торопился. Пусть поживетъ еще здѣсь.

— Чтѣ же, это можно, — отвѣтилъ въ раздумьѣ Молодцыгинъ:—только, пожалуй, потомъ отказываться неловко будетъ... не пришлось бы деньги-то отъ него взять — вотъ бѣда-то какая.

— Ну, и чортъ съ нимъ: и возьмите на нѣкоторое время. Эка важность! А я хочу, чтобы Ольга Петровна могла здѣсь еще немного пожить съ Ивановыми.

Иванъ Ѳедоровичъ какъ-то нехотя согласился:

— Хорошо!

И потомъ съ ласковой и вмѣстѣ немного лукавой улыбкой, покачавъ головой, предупредилъ:

— Только вѣдь вотъ чтѣ... Охъ, голубушка моя, Владиміръ Ильичъ, смотрите — не попало бы мнѣ за это. Если ужъ не на томъ свѣтѣ отъ Ильи Максимовича, такъ здѣсь отъ Нины Михайловны.

Володя дружески потрепалъ его по плечу и сказалъ:

— Не бойтесь. Я совершеннолѣтній.

Иванъ Ѳедоровичъ вздохнулъ:

— Такъ, такъ!.. Охъ, грѣхи, грѣхи!..

Теперь и Нина Михайловна, окончивъ пить кофе, тоже вышла изъ столовой въ гостиную и на голоса сына и Молодцыгина въ кабинетъ прошла туда. Пасмурная погода никогда не дѣйствовала на нее худо; напротивъ, вставая въ такіе дни позже обыкновеннаго, укрѣпленная крѣпкимъ сномъ, она чувствовала себя особенно бодрой. Такъ и сегодня: въ контрасть съ приближающейся осенью, сама-то она, въ своемъ изящномъ золотистомъ утреннемъ платьѣ-капотѣ, съ нѣсколькими цвѣтками душистаго горошка на груди, была прекрасна, какъ солнечный июльскій день. Но выраженіе лица у нея серьезное, какъ-будто даже озбоченное.

Молодцыгинъ почтительно всталъ ей навстрѣчу и поцѣловалъ у нея руку:

— Съ добрымъ утромъ! Съ праздникомъ!

Нина Михайловна поцѣловала его въ лобъ:

— Здравствуйте, Иванъ Ѳедоровичъ. Чтѣ хорошаго?

— Все хорошо, Нина Михайловна! Все хорошо!.. Погодка только вотъ немножко испортилась. Да и то — проясняется.

Нина Михайловна сказала:

— Ну, чтѣ Бога гнѣвить: все лѣто пользовались такими чудными днями. Вы чтѣ, съ дѣлами?

— Нѣтъ, какъ всегда, забѣжалъ поутру провѣдать. Отъ васъ какихъ распоряженій не будетъ ли?

— Нѣтъ, ничего!

И Нина Михайловна замолчала, оставаясь въ выжидательной позѣ.

Молодцыгинъ былъ догадливъ:

— Ну, такъ я и пойду себѣ. До свиданья!

Она его не удерживала и только дружески сказала:

— Приходите къ завтраку.

— Благодарю васъ, не опоздаю.

И, поклонившись легкимъ поклономъ ей и Володѣ, Молодцыгинъ ушелъ.

Шарманщица.

Я итальянка, но забыла я
Отчизну теплую свою.
Поетъ шарманка заунывная,
И я безъ устали пою.

Крикливъ мой голосъ и надорванъ онъ,
А въ пѣснѣ—жалкая мольба,
Какъ-будто жаднымъ чернымъ ворономъ
Заклевана моя судьба.

Желто лицо, и вѣки тянутся
Печальные глаза закрыть:

Вѣдь если съ родиной разстанутся,
Не могутъ люди долго жить.

Съ собой дочурку загорѣлую
Плясать и пѣть я привела.
Зима своей метелью бѣлою
Безъ жалости ее смела.

Да и сама я дни унылые
Докоротаю какъ-нибудь,
И лишней взгорбится могилою
Чужой земли нѣмая грудь.

Сергѣй Городецкій.

Горный походъ.

Разсказъ И. Чеха.

(Продолженіе).

IV.

Денекъ для фуражировъ, по счастью, выдался великолѣпный. Они поднялись на бѣльшую еще, тысячами двумя футами, высоту и нашли тамъ чудную траву, по колѣно лошади. Передъ ними разстилался неподобный коверъ горнаго пастбища, убранный роскошнымъ подборомъ цвѣтовъ. Они намѣтили себѣ участокъ покоса, Михайловъ, назначенный начальникомъ резерва съ западной стороны, разставилъ свои пикеты, и работа дружно закипѣла. Зазвенѣли косы, залилась родимая пѣсня, такъ и запахло матушкой Русью.

Съ пикетовъ открывался видъ на громадное разстояніе. Вѣлѣлись разбросанные тамъ и сямъ вражескіе аулы, а вокругъ нихъ желтѣли террасами убранныя уже поля, и нигдѣ не было замѣтно присутствія человѣка, какъ-будто бы все горцы куда-то попрятались или повымерли. Даже обычныхъ пикетовъ ихъ не было видно. Значитъ, на какое-либо скорое съ ними столкновение нечего рассчитывать.

Къ полудню косари зашабашили и затѣмъ потянулись обратно съ пѣнями.

Пріятно, сбѣлавъ такой моціонъ, вернуться къ палаткѣ,—такъ въ ней кажется всю уютно... Михайловъ былъ голоденъ и утомленъ; денщикъ его позаботился накрыть столъ, поставилъ тутъ же и графинчикъ спирту. Добрая рюмка его освѣжила прапорщика, и онъ завалился на койку. Мысли его начали путаться, онъ сталъ уже забываться, какъ вдругъ ему послышался чей-то знакомый голосъ, его кликавшій.

— Кто тамъ?—спрашиваетъ онъ, не вставая.

— Хочешь ѣхать въ штабъ?—говоритъ ему вошедшій въ палатку товарищъ.—Сегодня отправляется туда казачья команда и послѣзавтра вернется.

— Отлично, ѣду, тотчасъ же одѣнусь, ступай! И ты готовься!

И вотъ они уже сбѣзжаютъ по безконечному спуску. Казаки галдятъ между собою. Чѣмъ ниже, тѣмъ становится теплѣе, и наконецъ августовское солнце печетъ страшно.

„Однако, какъ это я поѣхалъ-то безъ разрѣшенія,—думается Михайлову.—Вѣдь за это по меньшей мѣрѣ засадятъ на недѣлю на редантъ“.

Бдутъ все дальше и дальше, и вотъ наконецъ знакомое ущелье, за нимъ штабъ-квартира. Михайловъ, опередивъ конвой, скачетъ прямо къ Милѣ. Она одна за рабочимъ столомъ.

— Здравствуй. Чтò, не ждала?

— Здравствуй,—говоритъ она какъ-то холодно:—насилу-то надумалъ. Отчего ты третьяго-дня не пріѣхалъ, какъ я тебя просила въ письмѣ?

— Въ какомъ письмѣ? Я его не получалъ!

И въ то же время припоминается Михайлову, что онъ дѣйствительно получилъ письмо, но чтò было въ немъ, онъ никакъ не можетъ припомнить.

— Да прежде всего поцѣлуй же меня, Миля.

Она какъ-то нехотя его цѣлуетъ и опять спрашиваетъ:

— Да получилъ ли ты мое письмо?

— Получилъ, получилъ.

— А если получилъ, такъ, значитъ, не читалъ, потому что я хотѣла, чтобы ты былъ здѣсь еще третьяго-дня. Хорошъ, какъ дорожить моими письмами!

Михайловъ совсѣмъ смущенъ и начинаетъ измышлять оправданія, но еще болѣе въ нихъ путается.

— Какъ не читалъ. Читалъ, иначе не пріѣхалъ бы. Нельзя было пріѣхать раньше, не пускали, сколько ни просилъ...

А тутъ опять мелькаетъ въ головѣ: „уѣхалъ-то ты вѣдь безъ разрѣшенія“.—И его охватываетъ какое-то тревожное чувство. „Чтò же это со мной творится?—думается ему:—получилъ письмо, не помню его содержанія, уѣхалъ безъ разрѣшенія и теперь вру Милѣ безнощадно. Ужъ не дѣйствіе ли это спирта?“ И вдругъ изъ-подъ дивана выглянула на него какая-то маленькая фигурка... „Да это чортикъ; значитъ—и delirium tremens...“

Грустный опускается онъ въ кресло.

Миля, видя его опечалившимся, начинаетъ къ нему ласкаться. — Ну здравствуй же,—говоритъ она, сбѣвъ къ нему на колѣни и цѣлуя его.—Только, чтò же ты все смотришь подъ диванъ? развѣ въ первый разъ видишь моего Ваську? Кисъ, кисъ, кисъ...

Васька, черный, безъ отмѣтинъ, съ какими-то желтыми глазами, выбѣгаетъ изъ-подъ дивана. Михайловъ никогда его прежде не видалъ, и ему почему-то становится жутко.

— Ни одного слова за цѣлый мѣсяць не написалъ,—ласково укоряетъ его Миля.—Я его жду, жду, поминутно выбѣгаю на террасу, все глаза проглядѣла, а онъ позабылъ и думать обо мнѣ. Такъ знай же, что...

Но слова ея прерываются какимъ-то трескомъ надъ головой Михайлова, звонъ слышится надъ самымъ его ухомъ, и его кто-то сильно толкаетъ:

— Ваше благородіе! Ваше благородіе!

— Чтò, чтò такое?

— Вставайте! Играютъ уже по возамъ, сейчасъ выступаютъ!—кричитъ Михайлову его денщикъ.

— Тѣфу ты пропасть! Такъ это былъ сонъ! И какой тяжелый... Подъ конецъ совсѣмъ кошмаръ. Ясно, что все это проклятый спиртъ.

— Ваше благородіе, одѣвайтесь!—продолжаетъ настаивать денщикъ.—Рабочіе начали уже снимать палатку.

Палатка была снята, и Михайловъ окончилъ свой туалетъ подъ открытымъ небомъ. Черезъ минуту лагеря какъ бы никогда не существовало. Солдаты выючили лошадей, роты выстраивались.

Подобные сюрпризы бывали не рѣдкостью. Въмѣсто зори часто приходилось слышать имъ генераль-маршъ, и всякій разъ, послѣ нѣкоторой суматохи, все улаживалось, навьючивалось, а затѣмъ отрядъ снимался съ насиженаго мѣста и длинной вереницей тянулся куда-то съ пѣнями...

V.

Выступившій и на этотъ разъ нашъ отрядъ сталъ спускаться въ долину. Аргутинскій ѣхалъ въ головѣ колонны. Кто-то изъ состоявшихъ при немъ спросилъ его:

— Куда мы идемъ, ваше сіятельство?

— А почемъ я знаю, любезный; спросите барабанщика,—онъ впереди идетъ и, вѣрно, знаетъ,—добродушно отвѣтилъ старикъ, пуская дымъ изъ своего чубучка.

Движеніе это началось 27 августа вечеромъ.

Втянувшись въ перепутанную сѣть горъ, отрядъ уже подымался на первый перевалъ, какъ къ намъ присоединился инженеръ Фуксъ съ своей саперной командой. Послѣ бывшей у него закуски онъ на другой день въ пять часовъ утра уже былъ на работѣ, а нѣсколько минутъ спустя совершеннымъ сюрпризомъ пожаловалъ къ нему туда же и князь. Хотѣлъ, должно-быть, и тутъ подловить, полагая, что Фуксъ заспитъ; но, найдя его на мѣстѣ и осмотрѣвъ работу, видимо, былъ доволенъ, чего, впрочемъ, не имѣлъ обыкновения выражать словами, но это какъ-то особенно говорили умные его глаза. Объ оригинальныхъ его способахъ выражать благодарность ходило не мало анекдотовъ.

Былъ у него, напримѣръ, одинъ капитанъ изъ имеретинъ, Балквядзе, замѣчательной храбрости и спокойствія, творившій съ ротой своей чудеса въ сраженіяхъ съ горцами; солдаты въ немъ души не чаяли.

Аргутинскій высоко цѣнилъ такого офицера и выражалъ это по-своему:

— Глахуна, чтò это я такъ давно не вижу Балквядзе?—говорилъ онъ иногда своему денщику.—Поди, позови-ка его ко мнѣ.

Балквядзе являлся, конечно, одѣтый по формѣ.

— Здравствуй, братъ, какъ поживаешь?

— Слава Богу, ничего, ваше сіятельство.

— Ну садись, садись, поговоримъ.

Балквядзе садится, и между двумя собесѣдниками водворяется совершеннѣйшее молчаніе, изрѣдка нарушаемое появленіями Глахуны, смѣняющаго трубку за трубкой у своего господина.

Такъ проходитъ цѣлый часъ, и наконецъ Балквядзе, считая достаточной интересную свою бесѣду, подымается съ мѣста.

- Куда же ты — спѣшное развѣ что-нибудь есть?
- Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, спѣшки никакой нѣтъ.
- Ну, такъ посиди, посиди, поговоримъ еще.

И Балквядзе опять садится еще по крайней мѣрѣ на цѣлый часъ молчанія, послѣ чего уже отпускается, напутствуемый такими словами:

— Вотъ такъ спасибо, что зашелъ; заходи, братецъ, заходи... всегда тебѣ радъ.

Двухчасовое сидѣніе у старика производило между тѣмъ свое дѣйствіе для Балквядзе. Всѣ, даже старшіе его, съ особеннымъ уваженіемъ жали ему руку, какъ близкому человѣку къ главному начальнику. Выскивались даже и такіе, что просили его протекціи и пытались узнать отъ него о содержаніи продолжительныхъ его бесѣдъ съ начальствомъ. Но Балквядзе былъ такой же Гарпагонъ на слова, какъ и Аргутинскій, и всѣ попытки любопытствовавшихъ ни къ чему не приводили.

Случилась однажды съ нимъ и прекуръзная исторія, изъ которой приходилось выручать его самому Аргутинскому.

Пришлось брать одинъ совѣтъ неприступный заваль, и послали туда Балквядзе съ его ротою. Передъ самой экспедиціей въ роту его поступилъ юнкеромъ молоденькій еще мальчикъ, землякъ и сосѣдь его по деревнѣ, Мартуладзе, жаждавшій отличій.

Заваль былъ взятъ; но бѣдненькій Мартуладзе получилъ тяжкую рану, и солдаты не безъ труда, при помощи самого капитана, вынесли его оттуда.

Когда рота вернулась въ штабъ-квартиру, Аргутинскій, узнавъ обо всемъ, послалъ за Балквядзе и, видя, насколько тотъ озабоченъ раненымъ землякомъ, далъ ему такой совѣтъ:

— А ты, братецъ, коли хочешь быть къ нему поближе, самъ бы сказался больнымъ да и легъ въ лазаретъ, а тамъ и будешь слѣдить за ходомъ его выздоровленія.

— Очень жаль, ваше сіятельство, что тутъ нѣтъ нашего Турманидзе *), — тогда бы я былъ покоенъ за мальчика, лѣкарямъ же здѣшнимъ я не вѣрю: они всѣ, какъ мясники, только рѣжутъ да рѣжутъ. Ампутація да ампутація, а Турманидзе и знать ее не хочетъ.

— Чтò же дѣлать, коли его тутъ нѣтъ. Авось мальчикъ поправится и съ нашими лѣкарями.

— Я думаю, ваше сіятельство, выписать сюда Турманидзе.

— И прекрасно, выписывай, а пока твоего земляка, быть-можетъ, и не понадобится рѣзать.

Въ тотъ же день поѣхалъ нарочный въ Кутаисъ за Турманидзе.

Больной былъ труденъ. Рана въ лѣвую руку, выше локтя, очень его мучила, такъ какъ кость была раздроблена, и пулю извлекли оттуда съ трудомъ. Полковой докторъ ничего не говорилъ Балквядзе утѣшительнаго, но по просьбѣ его медлилъ съ операцией, зная о посылкѣ за Турманидзе.

Между тѣмъ въ штабъ-квартиру совершеннымъ сюрпризомъ прибылъ знаменитый Н. И. Пироговъ, объѣзжавшій тогда впервые Кавказъ. Послѣ свиданья съ Аргутинскимъ входитъ онъ въ полковую лазаретъ съ цѣлою свитою ассистентовъ.

Но если для всего міра Николай Ивановичъ былъ знаменитостью, то для Балквядзе онъ вовсе не существовалъ. Тотъ и понятія не имѣлъ о научномъ значеніи Пирогова и вообще никогда о немъ не слыхалъ, такъ же точно, какъ и Пироговъ никогда не слыхалъ о Балквядзе и тоже понятія не имѣлъ объ этой въ своемъ родѣ знаменитости по части одолѣнія неприступныхъ горскихъ заваловъ. Поэтому, когда Пироговъ вошелъ въ палату, гдѣ лежалъ Мартуладзе, и попросилъ разбинтовать его руку, чтобы осмотрѣть рану, Балквядзе, принимая его за такого же обыкновеннаго лѣкаря, какъ и всѣ ему извѣстные и имъ ненавидимые, „развѣ только старше ихъ чиномъ“, — наострилъ уши, лежа на одной изъ ближайшихъ коекъ.

Пироговъ сталъ щупать рану, ввелъ зондъ (отчего больной страшно закричалъ) и, говоря по-латыни, объяснилъ ассистентамъ, что гангренозное состояніе раны требуетъ немедленной ампутаціи.

Балквядзе, понявъ только заключительное слово его: „ампутація“, потерялъ всякое надъ собой самообладаніе и, схвативъ свинцовую кружку, стоявшую на столикѣ, пустилъ ее въ группу лѣкарей.

Какимъ-то чудомъ она пролетѣла среди нихъ, не задѣвъ никого; но, увидавъ человѣка въ изступленіи, котораго однако успѣлъ въ-время схватить за руки смотритель лазарета и по-

мѣшалъ тѣмъ дальнѣйшему скандалу, лѣкари съ Пироговымъ вмѣстѣ ретировались изъ палаты.

Объ этомъ происшествіи тотчасъ же доложили Аргутинскому. Узнавъ, что тутъ замѣшанъ Балквядзе съ своимъ питомцемъ Мартуладзе, онъ поспѣшилъ самъ поѣхать къ Пирогову и объяснилъ ему весь этотъ казусъ, имѣющій особенную, мѣстную, боевую кавказскую подкладку, къ которой нельзя не относиться снисходительно, и просилъ его позволенія представить ему капитана Балквядзе.

Вернувшись домой, князь послалъ за капитаномъ и сумѣлъ также его смягчить. Кончилось все тѣмъ, что Балквядзе пошелъ извиняться и, помирившись съ Пироговымъ, присутствовалъ при операции, удавшейся какъ нельзя лучше, а потомъ и выходилъ своего птенца, очутившагося, впрочемъ, безъ руки, и все-таки остался при томъ убѣжденіи, что, будь тогда налицо Турманидзе, рѣзать бы руку Мартуладзе не пришлось...

Съ Фуксомъ же у Аргутинскаго была совѣтъ иная исторія.

Поручикъ, отлично знавшій свое дѣло и до страсти его любившій, былъ тоже испытанной храбрости офицеръ, производившій часто съ невозмутимымъ спокойствіемъ свои работы подъ неприятельскими выстрѣлами какъ ни въ чемъ не бывало; но онъ при всякомъ удобномъ случаѣ страшно закучивалъ и тѣмъ постоянно держалъ старика Аргутинскаго въ тревогѣ за свою исправность. Безъ Фукса онъ былъ бы безъ рукъ, а потому слѣдилъ за нимъ, какъ неотвязчивый гувернеръ слѣдитъ за своимъ шалуномъ-воспитанникомъ, котораго и любитъ и боится хотя на минуту упустить изъ глазъ. Вотъ и теперь послѣ того, какъ поручикъ со своими саперами присоединился къ отряду, который былъ уже къ утру за переваломъ, ему пришлось во многихъ мѣстахъ продѣлывать на скорую руку дорогу, чтобы не задерживать движенія.

Къ вечеру второго дня, когда голова колонны расположилась на ночлегъ, хвостъ ея тянулся еще далеко позади и пришелъ только къ утру.

Въ теченіе ночи, сырой и холодной, людямъ приходилось бороться съ неисчислимыми препятствіями на своемъ пути, проводя вьюки и артиллерию въ темнотѣ, по едва замѣтнымъ тропамъ, извивавшимся надъ пропастями. Одинъ неосторожный шагъ — и лошадь летѣла въ кручу.

Люди, одѣтые по-лѣтнему, во время этого перехода встрѣчались и съ лѣтомъ, и съ осенью, и съ зимой.

Ночное движеніе это въ общемъ представляло собою что-то полное мрачной поэзіи, состоявшее изъ однихъ звуковъ.

Слышишь все, а ничего не видишь. Раздаются шлепанье солдатскихъ ногъ, тяжелый сапъ и топотъ лошадей, людской говоръ, лязгъ оружія и гдѣ-то, далеко внизу, ревъ клокочущаго горнаго потока. Пробираясь почти ощупью по тропинкамъ, всякій знаетъ, что малѣйшее невѣрное движеніе ведетъ къ гибели, между тѣмъ масса людскихъ ногъ торопится итти впередъ, все дальше и дальше, все выше и выше, а сверху сыплется не то дождь, не то снѣгъ.

Непроглядная тьма гудитъ неопредѣленными глухими звуками. И вдругъ изъ глубоко внизу чернѣвшей тучи сверкнетъ молнія, — на мгновеніе освѣтитъ вереницу штыковъ, крутой косогоръ, уходящій въ облака, группы всадниковъ и сбоку — бездонную пропасть... Все это на мгновеніе отчетливо представится взору, чтобы исчезнуть какъ бы въ преисподней...

— Держи влѣво, ребятушки, влѣво держи, — слышится голосъ: — а то какъ разъ смерть!

— Не напирай, — слышится въ другомъ мѣстѣ. — Вьюки осадятъ... Легче, легче...

Кто-то сорвался въ кручу. Лошадь дрожить, упираясь въ самый край обрыва.

— Стой, давай конецъ! Не робѣй, Митюха, держись!

— Ой, голубчики, ратуйте! — вопить голосъ изъ пропасти.

— Проходи, проходи, не задерживай! — покрываютъ его другіе голоса.

— Куда проходи? Вишь, человѣкъ пропадаетъ! Лови конецъ, Митюха! Поймаешь? Ну, тащи, ребята, съ Богомъ! Слава Тебѣ, Царица Небесная!

— Вали, вали, не задерживай!

И опять шлепанье ногъ и конскій топотъ. Духъ захватываетъ, а колонна движется впередъ, какъ какое-то страшное, громадное чудовище.

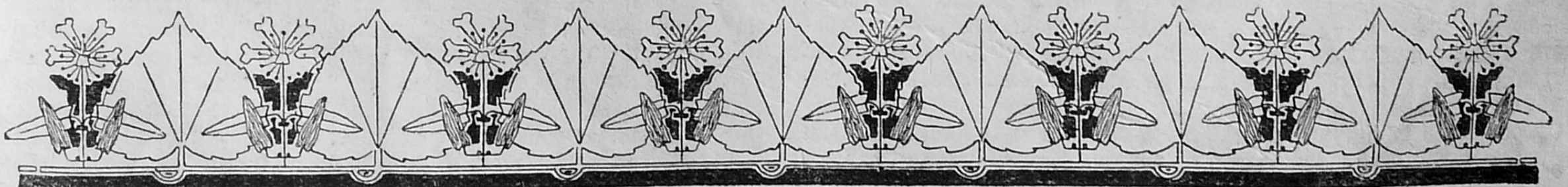
Дорога повернула наконецъ круто налѣво, ревъ воды затихъ, гора сдѣлалась отложе.

— Вышли, значить, на большой трактъ, на столбовую, — слышится солдатскія остроты.

Мелькнуло огниво, и потянуло родимой махорочкой.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Турманидзе — имеретинская фамилія, въ которой традиціонно держится искусство лѣчить раны туземными способами.

Разбойничья нора.

Рассказъ А. С. Панкратова.

(Окончаніе).

Первый заговорил староста.

— Бабы сказки, — сказалъ онъ. — Послушать тебя, Микешка, самъ бабой сдѣлаешься.

Микешка взволнованно всталъ:

— Не сказки, Кузьма Артемычъ. Отецъ когда умиралъ, говорилъ мнѣ: въ разбойничьей норѣ, Микешка, зарыто твое счастье!..

Всѣ въ деревнѣ знали про сорокъ сундуковъ, зарытыхъ въ разбойничьей норѣ. Самое мѣсто норы около березинской гати было извѣстно всѣмъ. Тамъ, на красномъ камнѣ, кто-то вырѣзала кривыми буквами: „Здѣсь жили мы—ищите. Пугачовъ“. Надпись старая, въ прорѣзъ буквъ навалилась земля, и лѣтомъ травка пускаетъ ростъ на этой землѣ. Всѣ въ деревнѣ были увѣрены, что эта надпись принадлежитъ самому Пугачову, который, какъ передаютъ, нѣкогда грабилъ здѣсь проезжающихъ изъ Сибири кушцовъ и пряталъ деньги въ глубокой норѣ. Старики помнили, что тутъ жили два разбойника — Ванька Кривой и Лосъ. Дѣдъ Микешки водилъ съ ними компанію, скрывалъ ихъ и продавалъ награбленное. Когда разбойниковъ поймали и казнили, Микешкиному дѣду тоже пришлось отвѣдать каторги. Въ Сибири онъ и умеръ. Но деньги свои и тайну разбойничьей норы онъ успѣлъ, говорятъ, передать сыну, отцу Микешки. Отецъ Микешки велъ жизнь разгульную и пропилъ всѣ отцовскіе капиталы до копейки. Микешка вошелъ въ жизнь нищимъ и вдобавокъ съ проклятьемъ за страшные, неотмоленные грѣхи его дѣда.

Микешкѣ не повѣрили, если бы онъ не привелъ въ свидѣтельство своего отца, который, умирая, говорилъ о сорока сундукахъ. Это былъ аргументъ, убѣдившій мужиковъ. Отъ сомнѣнія они сейчасъ же перешли къ вѣрѣ, и если бы теперь самъ Микешка сталъ ихъ разувѣрять — они бы ему не повѣрили. „Человѣкъ, умирая, не можетъ лгать“...

Мужики молчали, но было видно, что они приняли заманчивое предложеніе, и староста сразу взялъ другой тонъ. Ему уже понравилась эта мысль: не надо, во-первыхъ, гнать лошадь и ѣхать къ земскому, а, во-вторыхъ, найдя золото, можно было бы построить мельницу, о чемъ онъ давно мечталъ. Равнодушно-надменные глаза его заискрились жадностью и желаньемъ скорой и легкой наживы. Вотъ только одно соображеніе его смущало: какъ бы отъ начальства за это не влетѣло! Онъ не зналъ, законны ли будутъ ихъ поиски золота, или нѣтъ. Зналъ только, что если они найдутъ, то начальство непременно возьметъ у нихъ всѣ сундуки себѣ. Господа на то и поставлены, чтобы брать съ мужика. Ему не хотѣлось отдавать сундуковъ, и онъ сталъ убѣждать мужиковъ держать дѣло втайнѣ.

— А то какъ бы острога не отвѣдать, — кинулъ онъ строго толпѣ. — Бабамъ глотки заткните. Если прійдетъ начальство и спросить, гдѣ мужики, пусть говорятъ: въ лѣсу хворостъ собираютъ. Нишкните!

— Приговоръ надо составить, чтобы поровну, — предложилъ кто-то.

— Дѣлить по домамъ...

— По душамъ справедливѣе...

Тайственность затѣваемаго дѣла сразу передалась толпѣ. Говорили тихо, кратко, больше сосредоточенно молчали; каждый думалъ, что золото не только избавитъ его отъ голода, но выведетъ въ кушцы. „Брошу я тогда деревню и уѣду въ Самару, — лавку открою“, — думалъ Микешка. Ему не нравилось, что о немъ сейчасъ же послѣ его словъ забыли, какъ-будто не онъ предложилъ искать разбойничье золото, а староста или Дергачъ. Когда составляли приговоръ о томъ, чтобы все найденное раздѣлить по душе, онъ хотѣлъ выговорить себѣ большую часть. Сундуки, можно сказать, его собственность. Можетъ, дѣдъ его складывалъ туда золото. За эти грѣхи дѣда онъ несетъ „заклятье“, а не они. Но обычная его робость помѣшала ему вступить за свои права. Онъ сказалъ-было первое слово, потомъ махнулъ рукой и замолчалъ: пусть, молъ, пользуются.

Мужики, придя домой, рассказали обо всемъ по секрету женамъ. Тѣ передали другимъ. И глухая, темная молва о скрытомъ золотѣ и о намѣреніи мужиковъ поднялась и стала гулять по деревнѣ, принимая причудливыя очертанія. Кто-то вспомнилъ, что однажды ночью онъ ѣхалъ мимо разбойничьей норы и видѣлъ, какъ огромный, черный дьяволъ съ рогами въ образѣ монаха-странника сидѣлъ на скалѣ и сторожилъ разбойничье добро. Лошадь заржала, а монахъ захохоталъ адскимъ хохотомъ и провалился сквозь землю. Увѣряли, что къ сундукамъ цѣпями прикованы семь коршуновъ, которые не допустятъ никого до золота. А старая бабка Маланья, которая лѣтъ двадцать тосковала по погибшимъ во время пожара дѣтямъ и въ тоскѣ уходила выть къ разбойничьей норѣ, божилась, что однажды видѣла тамъ двѣнадцать вѣдьмъ и столько же лѣшихъ, попарно скакавшихъ около костра. Она перекрестилась и сказала: „Аминь, аминь, разсыпья!“ — и нечисть стинула въ норѣ.

Своеобразно приняла вѣсть о намѣреніи мужиковъ старая Аксинья. Ее считали въ деревнѣ колдуньей, хотя никакихъ колдовскихъ проявленій за нею не замѣчалось. Полоумная старуха жила одна въ землянкѣ, собирая милостыню и пугая маленькихъ

дѣтей. Сѣдая, косматая, съ мертвымъ, остановившимся взглядомъ, она ходила по деревнѣ, какъ тѣнь, бормоча про себя и ища что-то подъ ногами. Иногда она поднимала голову, и тогда суетливыя бабы смотрѣли, что у нея на лицѣ: смѣхъ или злоба? Смѣхъ — къ хорошему, злоба — къ дурному. Говорила Аксинья рѣдко, и если говорила, то непонятными словами; въ ея головѣ, видимо, происходилъ свой особый процессъ мышленія, тамъ осталась отъ свѣтлаго періода жизни какая-нибудь мысль, и этой мыслью она жила всю остальную, безумную часть своей жизни.

Когда разнеслась вѣсть о намѣреніи мужиковъ, бабы ночью отправились къ Аксиньѣ, разбудили старуху и рассказали обо всемъ. Рассказывая, зорко смотрѣли, какія предзнаменования въ ея словахъ, движеніяхъ и выраженіи лица? Старуха не понимала ихъ словъ. Долго и пристально смотрѣла она на мигающій огонекъ лучины. Вдругъ мертвые глаза ея раскрылись, и всѣмъ показалось, что въ нихъ метнулась, какъ лунный призракъ, — тѣнь. Потомъ Аксинья улыбнулась, не переставая смотрѣть на огонь. Встала, захлопала въ ладоши и ясно произнесла:

— Ходи! Ходи! Ципъ-ципъ!

Было жутко оставаться въ сосѣдствѣ съ этой „чужой“, нездѣшной жизнью и смотрѣть на растрепанныя сѣдые космы волосъ и мертвые, раскрытые глаза безумной старухи. Но бабы выдержали и ушли отъ Аксиньи радостныя.

— Къ добру, — передали онѣ мужикамъ.

Тѣ промолчали, но въ душѣ обрадовались. Этотъ темный вечеръ со страшными рассказами о злыхъ коршунахъ, оборотняхъ и вѣдьмахъ дѣйствовалъ удручающе. Въ сердцѣ нарастала безотчетная тревога, и страхомъ закрывалась мечта о разбойничьихъ сундукахъ. Нужно было чье-нибудь одобреніе, и Аксиньино „ходи, ходи“ пришлось какъ нельзя кстати.

III.

Никто не зналъ, какъ это произошло, но безумная Аксинья появилась у разбойничьей норы передъ самымъ началомъ работы. Говорили потомъ, что какой-то незнакомый мужикъ въ овчинномъ тулупѣ, съ черной длинной бородой, велъ старуху за руку къ разбойничьей норѣ. Кто этотъ мужикъ — никто не зналъ. Куда онъ стинулъ — также осталось тайной. Старуха подошла къ мужикамъ и устала на нихъ своимъ мертвымъ, остеклившимся взглядомъ. Староста было-зашумѣлъ:

— Зачѣмъ пришла?

Но мужики его „одернули“:

— Молчи! Можетъ, къ добру.

Разбойничья нора отстояла въ полуверстѣ отъ деревни. Тутъ кругомъ когда-то росъ и шумѣлъ дремучій лѣсъ, и пролегалла екатерининская дорога, обсаженная по бокамъ березами. Теперь тутъ не было ни лѣса ни дороги, — давно все вырубил. Лѣтъ десять тому назадъ посрубили мужики и послѣднія казенныя березы, за что отсидѣли по недѣлѣ въ „чижовкѣ“. Все кругомъ было пусто и голо, лишь надъ самой „норой“ на крутомъ откосѣ какимъ-то чудомъ уцѣлѣли отъ мужицкаго топора десятка три кривыхъ, низкорослыхъ сосенъ. Жалкіе остатки былой жизни и красоты. Эти сосны приняли на себя гнѣвъ бушевавшего въ прошлую ночь вѣтра и защитили нору отъ погребенія. Она была покрыта лишь тонкимъ снѣжнымъ слоемъ.

Мужики прорыли дорогу и столпились у отверстія. Кто-то предложилъ спуститься внизъ по веревкѣ. Но въ глубокой норѣ было темно. Страшно лѣзть туда. Одинъ старикъ рассказалъ, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ мужикъ изъ сосѣдней деревни, по прозванію Андронъ Вша, лазилъ въ нору со свѣчкой. Увидалъ, что изъ норы былъ ходъ въ глубь скалы. Но какъ только онъ вошелъ въ этотъ ходъ, кто-то сверху дунулъ и погасилъ свѣчу.

— Еле выбрался, прибѣжалъ домой — лица на немъ не было... А поскорости и умеръ.

Тогда мужики рѣшили долбить камень ломами сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Глухо, тяжело отдавались удары въ морозномъ воздухѣ, но туго поддавался гранитъ. Уже на другой день мужики почувствовали усталость. Тотъ старикъ, который утромъ рассказывалъ о случаѣ съ Андронкомъ Вшой, объяснилъ усталость чарами черной силы.

— Завороженный онъ, вотъ тѣ Христосъ! — говорилъ онъ. — Надо разворожить. Тогда дѣло пойдетъ ходко. Въ Былинкахъ мужикъ живетъ, топоры заговариваетъ: руби руку — ничего. Его бы привезти.

Мужики слушали его молча. Что-то тяжелое, какъ черный, мглистый туманъ, осѣдалось въ смущенную душу ихъ. Осѣдалось и медленно расползалось по низу, сѣдая послѣднія силы. Чѣмъ дальше шла работа, тѣмъ меньше и меньше оставалось надежды на ея окончаніе. Кто-то невидимый, злой и страшный мѣшалъ ихъ работѣ. Они это чувствовали по сильной слабости своихъ рукъ, изъ которыхъ часто вываливался ломъ, по боли въ поясницѣ. „Завороженный, конечно, замороженный“, — думали они каждый про себя, но продолжали работать. На третій день къ вечеру Дергачъ, работавшій около норы, съ искаженнымъ отъ страха лицомъ отскочилъ отъ своего мѣста, бросилъ въ сугробъ ломъ и закричалъ:

— Смотри, ребята!

Все вздрогнули и обернулись к норѣ. На самомъ краю ея сидѣла Аксинья и своими мертвыми глазами смотрѣла внизъ. Временами она жестикулировала, что-то шептала, то и дѣло наклоняясь въ нору. Космы ея совсѣмъ выбились изъ-подъ платка и свѣсились беспорядочными бѣлыми прядями по лицу. Мужики столпились и не отрывали глазъ отъ безумной.

— Какъ она пришла?—испуганнымъ шопотомъ спросилъ кто-то.

Все помнили, что ея сегодня не было на работѣ. Никто не видѣлъ, какъ она подошла.

— Съ нами крестная сила,—шепталъ Дергачъ.—Православные,—сказала онъ мужикамъ:—прокляте мѣсто мы тревожимъ... Не отказаться ли? Я что ни сработаю, къ утру опять кто-то заравняетъ. Вотъ тѣ Христосъ, если вру!

Голосъ его дрожалъ, въ глазахъ выступили слезы, и вся жалкая фигура Дергача въ рваномъ зипунишкѣ тряслась, какъ въ лихорадкѣ, и пригибалась къ землѣ.

Мужики мрачно слушали и молчали...

Вечеромъ по деревнѣ гуляла темная молва, что послѣ дневной работы мужиковъ у проклятой разбойничьей норы шла другая, ночная работа. Вылѣзали изъ норы черныя фигуры съ хвостами и съ хохотомъ и бѣсовской пляской задѣлывали разрушенія. А съ зарей проваливались. Мужики знали, что это—„брехня“, молчали и даже вѣрили сами. Но на слѣдующій день утромъ солнце, весело искрящееся на снѣжныхъ сугробахъ, разогнало немного мужицкій страхъ, и они опять пришли къ норѣ и молча, какъ осужденные, продолжали долбить камень. Приплелась и Аксинья и ходила около норы, улыбаясь ей мертвой улыбкой и шепча свои непонятныя слова. Мужики старались не смотрѣть на нее, чтобы не навѣять на себя вчерашняго страха.

Успѣшнѣе всѣхъ шла работа у Микешки, который не зналъ усталости, надрываясь, билъ ломомъ по толстому кряжу гранита. Онъ былъ убѣжденъ, что за этимъ каменнымъ покровомъ лежитъ его „счастье“. Никто въ мѣрѣ не могъ бы разубѣдить его въ этомъ. Ночью, лежа около жены, онъ шептался съ ней: „Уѣдемъ отсюда, Авдотья, въ Самару,—передавалъ онъ ей свою думу.—Мелочную открою или по хлѣбной части пойду“... Говорилось это такъ увѣренно, что даже въ усталую, больную, переставшую жить, душу Авдотьи проникъ свѣтлый лучъ просвѣта и надежды. „Господи, ужли конецъ горю?—думала она.—Смилостивилась Царица Небесная ради слезъ малыхъ дѣтей моихъ“... Она тихо отъ радости плакала и прижимала Ваську къ своей худой груди.

— Авдотья!—сказала ей вчера ночью Микешка:—хлябло стало на моемъ мѣстѣ... Звонъ идетъ. Знать, скоро...

Она слабой рукой перекрестилась и вздохнула:

— Слава Богу! Молись, Микешъ, Царицѣ Небесной! Она—наша Заступница!

— Я и то молюсь, Авдотья. Самъ бью, а самъ про себя читаю: „Господи, помилуй“... „Расточатся врази его“...

Микешка зналъ только обрывки молитвъ.

Теперь онъ стоитъ въ жерлѣ круглой выбоины, съ силой колотитъ по граниту ломомъ и вспоминаетъ, какъ мальчишкой бѣгалъ въ сосѣднее село Сороки, гдѣ есть церковь, и слушалъ старика-попа, теперь уже умершаго, который читалъ разныя мудренныя молитвы. Микешка перечиталъ уже всѣ свои отрывки, и ему хотѣлось вспомнить что-нибудь новенькое, но такое, которое бы особенно понравилось Богу, — чтобы Богъ помогъ ему за это

найти скорѣе золото. Напрягъ память, и изъ тумана вдругъ выплыли слова: „Исаія, ликуй“. Онъ отчетливо вспомнилъ ихъ и необычайно, дѣтской радостью обрадовался. Слово этихъ онъ не понималъ, но чувствовалъ, что въ нихъ скрыто что-то пріятное. Потомъ вспомнилъ Авдотью, — не ту больную, которую оставилъ дома, а молодую, красивую,—и опять передъ нимъ стала, какъ живой, старикъ-попъ, который вѣнчалъ ее съ нимъ... Хорошо было тогда. Микешкѣ хотѣлось еще вспомнить что-нибудь, но на умъ лѣзли только старые обрывки.

— Святъ, святъ, святъ,—шепталъ онъ, ударяя по самому дну выбоины. — Блаженъ мужъ... Аминь, аминь, разсыпья... Исаія ликуй... Расточатся врази его...

Вдругъ онъ почувствовалъ, что ломъ его вошелъ глубоко въ камень, какъ во что-то мягкое. Хотѣлъ вынуть его, но не могъ, и покачалъ верхушку изъ стороны въ сторону.

— Дыра!.. — закричалъ Микешка радостнымъ голосомъ.

Все обернулись къ нему. И видѣли, какъ онъ легъ на ломъ и, напрягаясь, весь красный отъ волненія, хотѣлъ вывернуть его. Вдругъ скала съ грохотомъ рухнула, и Микешка, поднявъ безпомощно руки къ небу, дико, по-звѣриному крикнулъ и скрылся въ водоворотѣ обсыпавшихся камней.

Толпа вздрогнула и въ паникѣ бросилась бѣжать. Мужикамъ казалось, что кто-то гонится за ними и хлещетъ ихъ по спинамъ, ногамъ, головамъ. Они падали, поднимались и опять бѣжали, ничего не видя и не слыша. Въ ухахъ ихъ стояли звѣриный крикъ Микешки и грохотъ камней, показавшійся имъ землетрясеніемъ.

Въ этотъ вечеръ никто въ деревнѣ не зажигалъ огня. Какъ будто умерли все. Въ страхъ люди забились на печки и полати и молча лежали, тревожно прислушиваясь къ тому, что происходило за окномъ. А на улицѣ опять крутиль и выль буранъ, поднималъ тучи снѣга, заваливалъ дорогу и грозилъ всѣмъ смертью. Въ трубахъ шелъ неумолчный, торжествующій хохотъ. Кто-то сильный, грузный ломился уже въ двери, хлопалъ ставнями, уносилъ солому съ крышъ. Мужики крестились, шептали молитвы и заклинанія и со страхомъ ждали, что вотъ-вотъ рухнетъ потолокъ, и они очутятся въ страшныхъ холодныхъ объятіяхъ...

Молча, не шевелясь, лежала на печкѣ Авдотья. Ребята поплакали немного, когда имъ сказали о гибели отца, и теперь сладко спали. Лишь Васька возился около груди и силился выжать изъ нея хоть каплю молока. Авдотья болѣзненно-безучастно относилась ко всему—и къ плачу Васьки, и къ угрозамъ бурана, и къ гибели мужа. Она сердцемъ знала, что такъ и должно было случиться и не могло иначе случиться, что тамъ, въ разбойничьей норѣ, дѣйствительно было зарыто „счастье“ Микешки, и онъ нашелъ теперь его. И счастье дѣтей и всего ихъ „заклятаго рода“ такое же...—Смерть... Она прекрасно знала, что будетъ впереди. Выйдетъ мѣшокъ муки, который далъ имъ староста подъ „золото“, — и начнется голодъ. Помучатся они немного и умрутъ... Она не пошлетъ Ваньку за милостыней, не будетъ просить. Зачѣмъ? Не все ли равно умирать? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... А на томъ свѣтѣ все они—и дѣти, и Микешка, и она—станутъ на колѣни передъ Престоломъ Господа и будутъ молить Его простить страшный грѣхъ ихъ дѣда.

— И Господь милосердный проститъ, проститъ... — шепчутъ ея губы.

Теплыя дѣтскія слезы текутъ по ея щекамъ и скатываются на Ваську...

Выставка „Устройство и оборудованіе школы“.

(Съ 2 рис. на стр. 440 и 441).

Близится время, когда въ Россіи начнется громадная работа по созданію цѣлаго ряда новыхъ учебныхъ заведеній и по переустройству заведеній, уже существующихъ. Въ ближайшее время предполагается отпустить 550 милліоновъ рублей на организацію школъ и на ихъ оборудованіе въ десятилѣтній промежутокъ времени.

Для того, чтобы эта работа не застала насъ врасплохъ, для того, чтобы новыя школы создавались по болѣе рациональному типу и были обслуживаемы болѣе цѣлесообразными учебными пособиями,—Императорское Русское Техническое Общество рѣшило организовать въ Петербургѣ международную учебно-промышленную выставку подъ названіемъ „Устройство и оборудованіе школы“. Эта выставка должна, по мысли ея учредителей, разрѣшить рядъ вопросовъ школьнаго дѣла и оказать содѣйствіе правильному развитію производства учебныхъ пособій въ Россіи. Какъ это ни обидно для нашего національнаго самосознанія, но статистика говоритъ намъ, что до сихъ поръ въ устройствѣ и снабженіи всѣмъ необходимымъ нашихъ школъ главную роль играютъ заграничныя фирмы. Въ Россію ежегодно ввозится иностранныхъ школьныхъ фабрикатовъ на громадную сумму — свыше 10 милліоновъ рублей. И при этомъ у насъ до сихъ поръ не выработано наиболѣе цѣлесообразнаго типа оборудованія тѣхъ или иныхъ школъ соотвѣтственными пособиями: практика не установила общепризнанныхъ наилучшихъ типовъ и системъ. Или, вѣрнѣе говоря: въ тѣхъ или иныхъ единичныхъ случаяхъ и установлено нѣчто, быть-можетъ, идеальное въ своемъ родѣ, но такія устройства не дѣлаются достояніемъ общимъ—о нихъ не вездѣ извѣстно. Равнымъ образомъ не всегда и не всѣмъ из-

вѣстны и русскіе фабрикатъ и пособія, принятые въ одномъ мѣстѣ и неизвѣстные въ другомъ... У насъ въ школьномъ дѣлѣ, въ дѣлѣ устройства и оборудованія школы, потребитель, т.-е. школа, стоитъ слишкомъ далеко отъ производителей учебныхъ пособій.

Задачей упомянутой выставки и является, во-первыхъ, объединеніе потребителя съ производителемъ—школь съ поставщиками школьныхъ пособій, и, во-вторыхъ, установленіе общепризнанныхъ наилучшихъ типовъ и системъ школьнаго оборудованія, каковыя, быть-можетъ, уже существуютъ и примѣняются въ тѣхъ или иныхъ школахъ. Выставка должна сблизить отдѣльныя школы другъ съ другомъ и выявить то, что уже придумано лучшаго и совершеннѣйшаго въ этомъ дѣлѣ. Она поможетъ разобратся въ деталяхъ устройства школы, собравъ ихъ въ массѣ воедино...

Устроенная на этихъ основаніяхъ выставка „Устройство и оборудованіе школы“ помѣщается въ Михайловскомъ манежѣ. Громадное помѣщеніе манежа застроено изящными кіосками и шатрами, въ которыхъ выставлены всевозможные предметы школьнаго обихода. Тутъ и планы, и модели школьныхъ зданій, и школьная мебель, иногда очень своеобразная и практичная, и учебныя пособія, и работы учащихся (экспонаты отдѣльныхъ школъ). И, глядя на все это, воочию видишь, какая работа — скромная и незамѣтная при обычныхъ условіяхъ — кипитъ у насъ въ школьномъ мѣрѣ. Какъ много уже сдѣлано умнаго и цѣлесообразнаго для болѣе правильнаго и обстоятельнаго внѣдренія знаній въ ученическую массу. И какъ много уже пробуждено въ учащихся самостоятельности: они не только толково и съ

Одна из старинных фотографий И. А. Гончарова, относящаяся къ 70-мъ годамъ.

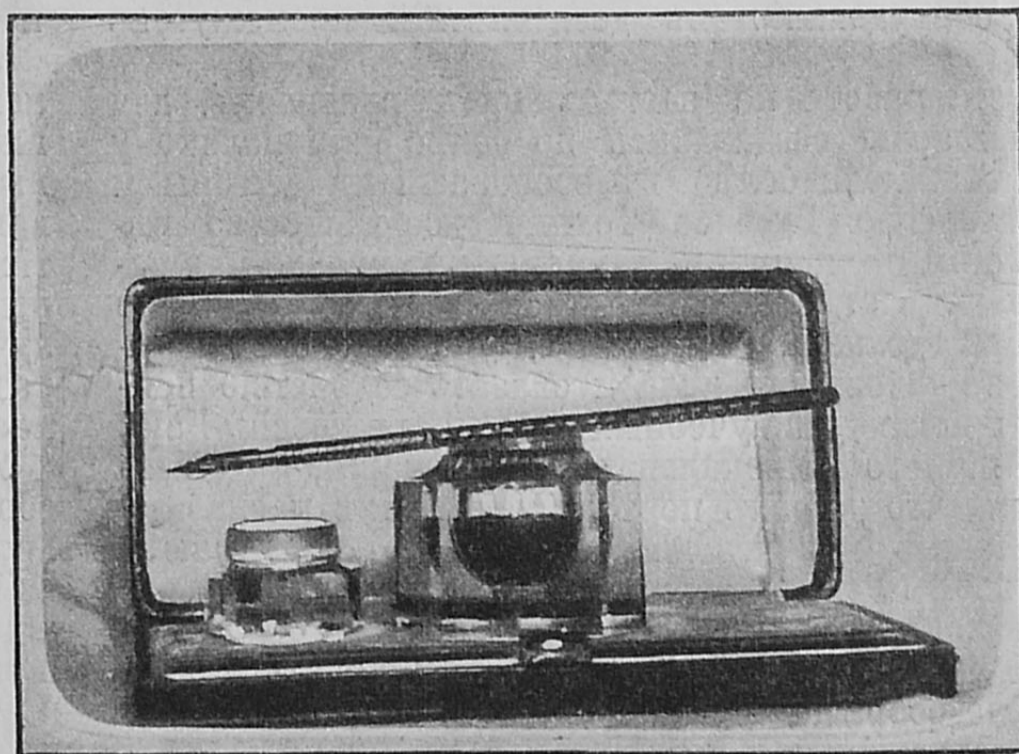
И. А. Гончаровъ со своей любимой собачкой „Мимишкой“.

И. А. Гончаровъ на одномъ изъ заграничныхъ курортовъ (И. А. Гончаровъ, Е. Н. Шостаць, поэтъ графъ А. К. Толстой съ супругой С. А. Толстой).

Кресло И. А. Гончарова, хранящееся въ коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ.

Перо и чернильница И. А. Гончарова, хранящіяся въ коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ.

Къ столѣтію дня рожденія И. А. Гончарова (1812—1912).

„Киндяковская часовня“, гдѣ происходили собранія масонской ложи.

„Въ нашемъ губернскомъ городѣ была своя отдѣльная масонская ложа, во главѣ которой стоялъ Бравинъ. Члены этой ложи разыгрывали масонскую комедію“...
Воспоминанія И. А. Гончарова.

„Видъ на Волгу съ Вѣнца въ г. Симбирскѣ“,—мѣсто около усадебной земли Гончаровыхъ, откуда И. А. любилъ смотрѣть на Волгу.

„Въ разныхъ мѣстахъ незамѣтно, будто не двигаясь, плыли суда. Высоко на небѣ рядами висѣли облака“.

„Обрывъ“ И. А. Гончарова.

И. А. Гончаровъ.

„Обрывъ“.

„Плетень, отдѣлявшій садъ Райскихъ отъ лѣса, давно упалъ и исчезъ. Деревья изъ сада смѣшались съ ельникомъ и кустами шиповника и жимолости, переплелись между собою и образовали глухое мѣсто, въ которомъ пряталась заброшенная, полуразвалившаяся бесѣдка“.

„Обрывъ“ И. А. Гончарова.

„Заводъ“ на Поповомъ островѣ у г. Симбирска, куда ѣздили на пикникъ Бережкова съ внуками, гдѣ охотился Маркъ Волоховъ и встрѣчался съ Вѣрой.

полнымъ знаніемъ дѣла разбираются въ покупныхъ учебныхъ пособіяхъ, но сплошь и рядомъ сами изготовляютъ для себя прекрасныя пособія—напримѣръ, по естественной исторіи. Особенно яркій и убѣдительный примѣръ такой самопомощи и самостоятельности учащихся мы видимъ въ отдѣлѣ кавказскаго учебнаго округа.

Пестрота экспонатовъ и ихъ обиліе затрудняютъ детальное разсмотрѣніе выставки. Во всякомъ случаѣ на ней выставлено такъ много поучительныхъ экспонатовъ, что для ея обозрѣнія недостаточно и цѣлаго дня. Отдѣльныя школы и цѣлыя учебныя округа, земства, отдѣльныя вѣдомства, торговыя фирмы, поставяющія учебныя пособія и предметы школьнаго оборудованія—объединились на выставкѣ съ своими экспонатами и создали громадную и красочную картину. И посѣтитель выставки ясно видитъ, какихъ успѣховъ достигло школьное дѣло и какое богатство пособій уже имѣется для школы на рынкѣ.

Выставка состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ: устройство школы, школьная гигиѣна и санитарія, системы оборудованія учебно-вспомогательныхъ кабинетовъ по разнымъ предметамъ, методы нагляднаго преподаванія и наглядныя учебныя пособія, оборудованіе ремесленныхъ и профессиональныхъ училищъ, сельскохозяйственное образованіе, физическое воспитаніе школьнаго юношества—по каждому изъ этихъ отдѣловъ на выставкѣ имѣется цѣлый рядъ интересныхъ и поучительныхъ экспонатовъ.

Первое, что бросается въ глаза посѣтителю выставки, это—оригинальный павильонъ, сооруженный учениками мореходной школы. Павильонъ этотъ воспроизводитъ въ натуральную величину парходную штурвальную рубку со всѣми ея принадлежностями и обстановкой и даже съ капитанскимъ мостикомъ. Рядомъ—экспонаты нѣсколькихъ школъ Отдѣла Торговаго Мореплаванія Министерства Торговли и Промышленности. Рядъ моделей, чертежей и фотографическихъ снимковъ подробно иллюстрируетъ весь бытъ и занятія въ мореходныхъ школахъ, которыхъ у насъ, къ сожалѣнію, пока еще очень мало.

Далѣе обращаетъ на себя вниманіе павильонъ Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній. Это учрежденіе, основанное въ 1864 году и имѣющее своей цѣлью служить постоянной выставкой учебныхъ пособій и коллекцій преимущественно для военныхъ школъ и курсовъ, экспонируетъ на описываемой выставкѣ коллекціи трехъ родовъ: во-первыхъ, пособія для преподаванія предметовъ курса средней школы, во-вторыхъ, пособія для изученія человѣка, какъ предмета воспитанія (психологическая лабораторія и кабинетъ гигиѣны), и, въ-третьихъ, различныя пособія для устройства народныхъ чтеній: фонари, діапозитивы и т. п.

Какъ всегда, коллекціи Педагогическаго Музея отличаются прекрасной систематикой и тщательнымъ подборомъ предметовъ.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ и обстоятельныхъ отдѣловъ выставки является павильонъ кавказскаго учебнаго округа. Здѣсь, какъ мы уже упоминали, съ особенной яркостью и наглядностью сказалась самостоятельность учащихся въ дѣлѣ образованія. Учащіеся тифлисской гимназіи выставили, напримѣръ, прекрасныя и остроумныя физическія приборы собственнаго производства. Другіе учащіеся—кавказцы—отличились превосходными коллекціями по естествовѣдѣнію. Третьи—прекрасными рисунками и лѣпкой, при чемъ вездѣ видны самостоятельность сюжетовъ и приѣмовъ и та внутренняя свобода творческаго духа, которой обыкновенно въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ бываетъ очень мало... Прекрасное впечатлѣніе производятъ также и экспонаты нѣкоторыхъ профессиональныхъ школъ кавказскаго округа,—напримѣръ, издѣлія класса ручного труда ставропольскаго приходскаго училища, или слесарныя инструменты, выставленные свято-крестовскимъ городскимъ училищемъ.

Изъ другихъ экспонатовъ можно отмѣтить игрушки, издѣлія изъ папье-маше и коллекціи насѣкомыхъ, выставленныя мастерской наглядныхъ учебныхъ пособій московскаго губернскаго земства. Нѣкоторыя изъ игрушекъ, изготовленныхъ въ Сергіевомъ посадѣ,—этомъ царствѣ русской національной игрушки,—поражаютъ изяществомъ и остроуміемъ и тонкостью отдѣлки. Это уже не ученическая работа, но такія произведенія, по которымъ, наоборотъ, могутъ учиться другіе.

Вообще на выставкѣ много очень интереснаго матеріала даютъ профессиональныя школы. Издѣлія нѣкоторыхъ изъ нихъ до такой степени изящны и художественны, что просто не вѣрится, что эти прелестныя и тонкія вещи сдѣланы руками простыхъ крестьянскихъ дѣтей. Вотъ, напримѣръ, художественно-ремесленная учебная мастерская золото-серебрянаго дѣла въ селѣ Красномъ Костромской губерніи: маленькіе ученики и ученицы чеканятъ великолѣпныя ювелирныя вещицы—посуду, украшения, кресты и даже цѣлыя паникадила. Тонкій художественный рисунокъ, блестящее выполненіе, изящная рѣзьба—все это такъ совершенно, что не хочется оторваться отъ этихъ крестьянскихъ произведеній.

Еще изящнѣе гончарныя произведенія художественно-промышленной школы имени Гоголя въ воспитомъ имъ знаменитомъ Миргородѣ. Учащіеся миргородской школы выставили чудесные образцы керамики, маіолики и художественной глиняной лѣпки. Какъ далеко ушелъ впередъ современный Миргородъ, въ которомъ во времена Гоголя только и было примѣчательнаго, что громадная лужа. Такіе маіолики не посрамили бы и заграничныхъ ателее.

Въ высшей степени интересны работы Пречистенскихъ курсовъ для рабочихъ въ Москвѣ, существующихъ 15 лѣтъ. Въ 1907 г. курсы перешли въ собственное трехэтажное помѣщеніе, позволившее принимать до 2.000 слушателей. Съ этого времени былъ расширенъ и классъ рисованія. Выставленныя работы являются результатомъ пятилѣтней работы. Поступаютъ на курсы безъ подготовки, и рисованіе ведется съ „азбуки“.

Принимая во вниманіе такой малый срокъ обученія при

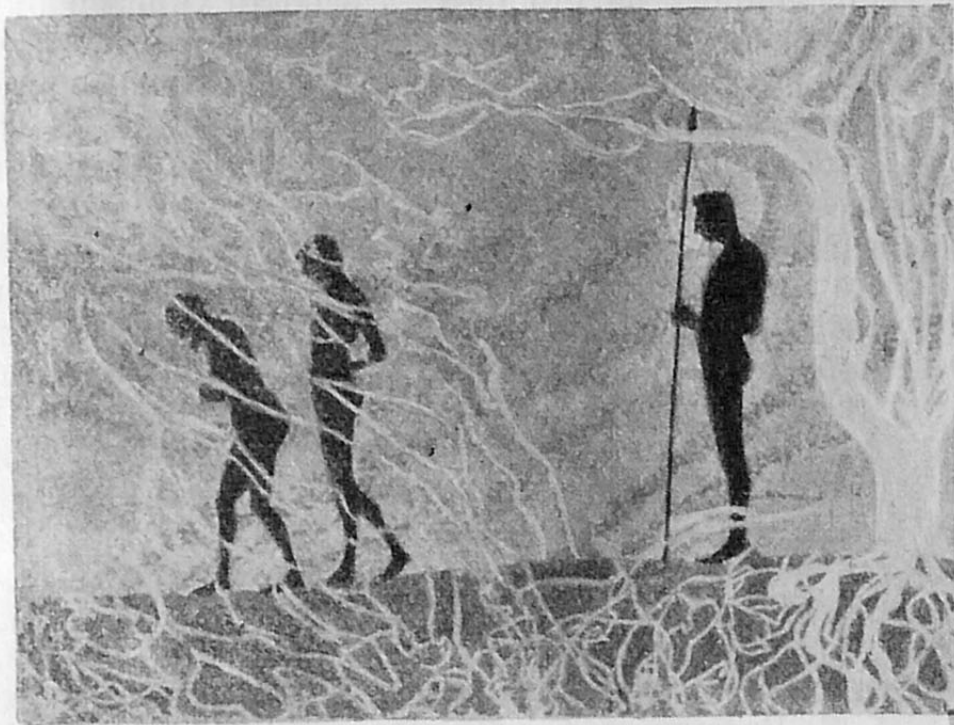

Выставка „Устройство и оборудованіе школъ“. Отдѣлъ Кавказскаго учебнаго округа.

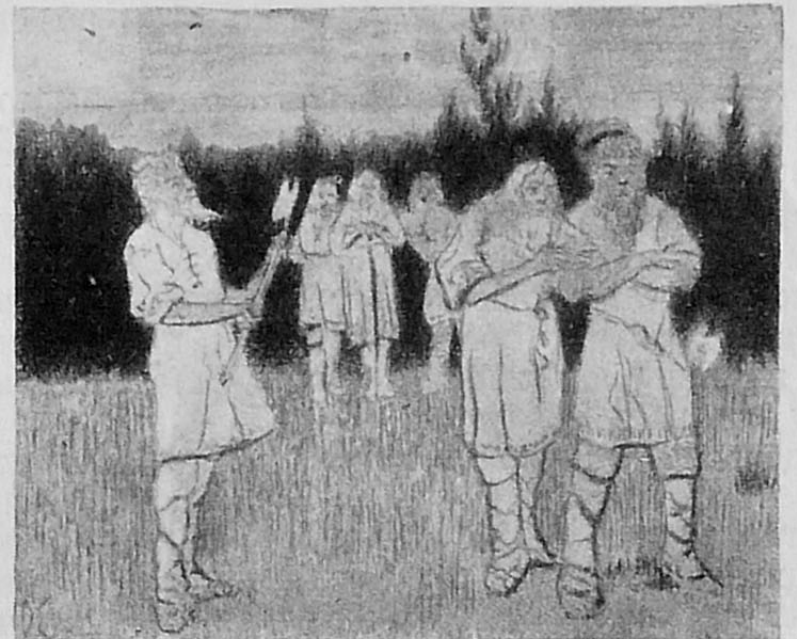

Хороводъ. Рисунокъ Орлова (электро-монтера).

Пацієнтъ.

„Изъ времянь древней Руси“.

„Изгнаніе изъ рая“. Рисунокъ Ялеба.

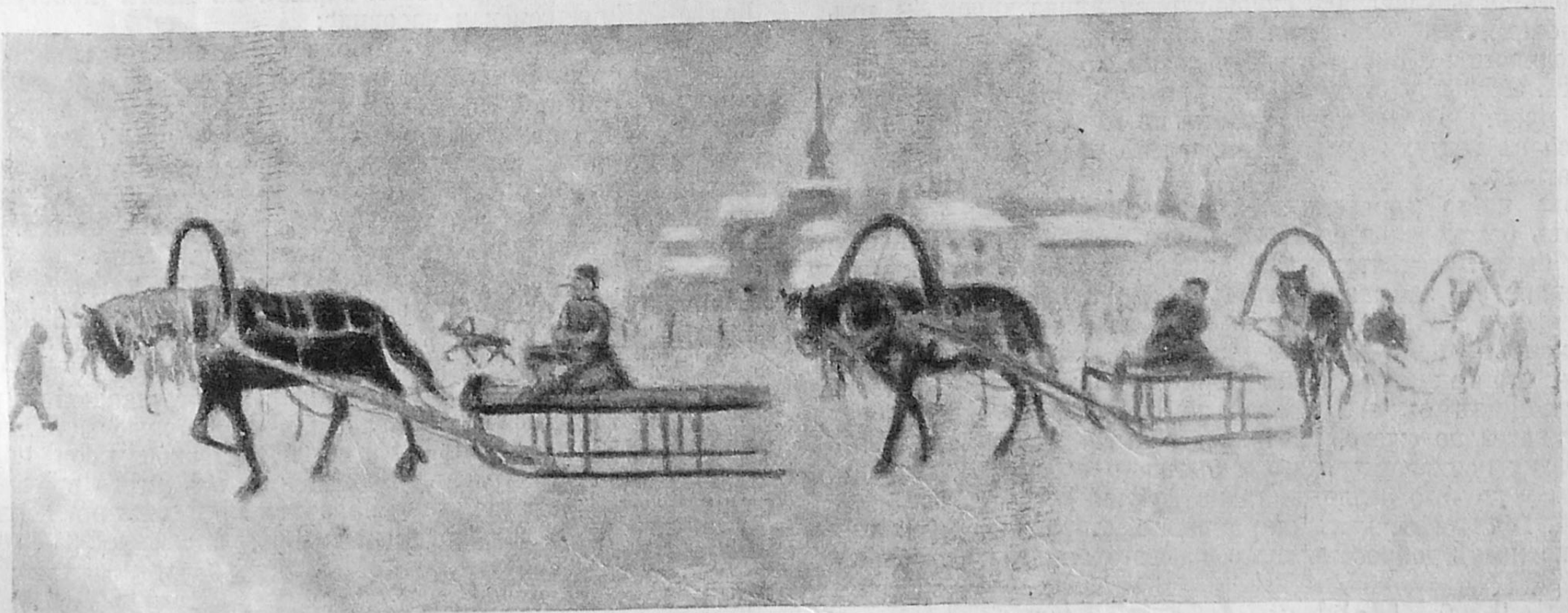
Берегъ моря.

Этюдъ И. Коркина.

Въ Крыму.
Рисунокъ И. Коркина.

Москва. Рисунокъ Ялеба.

Выставка „Устройство и оборудованіе школы“ въ Петербургѣ. Работы учениковъ классовъ рисованія Пречистенскихъ курсовъ для рабочихъ въ Москвѣ.

двух урокахъ въ недѣлю, нельзя не удивляться успѣхамъ, наглядно показаннымъ на выставкѣ преподавателемъ курсовъ—художникомъ Н. Н. Комаровскимъ. Его беззапятная любовь къ дѣлу увѣнчалась блестящими результатами. Недостатокъ мѣста, отведеннаго Пречистенскимъ курсамъ на выставкѣ, вынудилъ Н. Н. Комаровскаго представить только часть работъ старшаго класса. Тутъ же выставлены діаграммы библиотеки и учебной постановки курсовъ. Выставка „Устройство и оборудованіе школы“ состоитъ подъ

Августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Великаго Князя Александра Михайловича. Устроителями выставки являются В. И. Ковалевскій, А. Г. Небольсинъ и цѣлый рядъ лицъ, принесшихъ свои знанія и трудъ для организациі выставки.

Слѣдуетъ пожелать этой выставкѣ большого успѣха. Въ наше время, когда вопросъ о реформѣ образованія все болѣе и болѣе вторгается въ жизнь, устройство такой выставки является безспорно вполне своевременнымъ и необходимымъ...

И. А. Гончаровъ.

Къ столѣтію со дня рожденія. (Съ портр. и 9 рис. на стр. 438 и 439).

6 іюня с. г. истекаетъ столѣтіе со дня рожденія знаменитаго романиста Ивана Александровича Гончарова.

Авторъ „Обломова“ родился въ Симбирскѣ, на крутыхъ обрывахъ Волги, такъ поэтически описанныхъ и увѣковѣченныхъ имъ въ романѣ „Обрывъ“. Родился онъ въ тяжелую и славную для Россіи эпоху—въ тотъ годъ, когда на нашу родину хлынули подъ предводительствомъ Наполеона „двадцать языковъ“. До тихаго Симбирска не донеслись шумъ и грохотъ военныхъ событій, но отблескъ величія того времени какъ бы почилъ на томъ, кто родился въ этотъ великій годъ: ему было суждено стать великимъ человѣкомъ—пѣвцомъ и учителемъ жизни...

И. А. Гончаровъ происходилъ изъ состоятельнаго семейства, и его родители дали ему хорошее образованіе: въ 1835 году онъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ. Потомъ онъ перѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ тамъ на службу въ Министерство Финансовъ, гдѣ и служилъ до 1852 года, когда ему было предложено принять участіе въ извѣстной экспедиціи адмирала Путятина на Дальній Востокъ. Результатомъ этого путешествія явились знаменитые путевые очерки „Фрегатъ Паллада“, знакомые каждому изъ насъ съ дѣтства.

Но еще ранѣе Гончаровъ уже выступилъ въ литературѣ: пребываніе въ Петербургѣ, гдѣ ему часто приходилось встрѣчаться и дружить съ извѣстными литераторами, и природная склонность къ изящной литературѣ послужили для него поводомъ и самому приняться за писательство. И въ 1846 году появился первый большой романъ Гончарова „Обыкновенная исторія“. Этотъ романъ сразу поставилъ его въ число литературныхъ знаменитостей и вызвалъ искренніе восторги всей тогдашней критики съ Бѣлинскимъ во главѣ.

Уже прославленнымъ писателемъ Гончаровъ выступилъ позднѣе (послѣ своего путешествія) со своимъ вторымъ романомъ—„Обломовъ“ (въ 1859 г.), при чемъ появленію въ печати самого романа предшествовалъ отрывокъ изъ него—„Сонъ Обломова“. Такое же предшествованіе въ печати отдѣльныхъ отрывковъ романа имѣло мѣсто и предъ появленіемъ „Обрыва“, который въ полномъ своемъ видѣ появился въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1869 годъ.

Послѣ того онъ писалъ уже мало. Съ того времени и до конца его жизни имъ были написаны только сравнительно небольшія произведенія: „Миліонъ терзаній“, „Литературный вечеръ“, „Замѣтки о личности Бѣлинскаго“, „Воспоминанія“, „Слуги“ (впервые появились въ „Нивѣ“) и „Нарушеніе воли“.

Послѣдніе годы своей жизни Гончаровъ провелъ въ Петербургѣ, живя тихо и замкнуто въ небольшой холостой квартирѣ на Моховой улицѣ. Скончался онъ 15 сентября 1891 года и похороненъ въ Александрово-Невской лаврѣ.

О значеніи Гончарова для русской литературы, конечно, не можетъ быть двухъ мнѣній. Онъ нарисовалъ мощныя картины русской жизни и далъ цѣлую вереницу незабываемыхъ типовъ. Обломовъ, оба Адуевы, Райскій, Марѣинька, бабушка Татьяна Борисовна, Маркъ Волоховъ... Рѣдко кому изъ нашихъ писателей-художниковъ такъ удавалась скульптурная лѣпка типовъ и ихъ оживотвореніе, какъ Гончарову. Недаромъ самъ онъ говорилъ о своемъ творчествѣ: „Лица не даютъ покоя, пристають, позируютъ въ сценахъ. Я слышу отрывки ихъ разговоровъ, и мнѣ часто казалось, прости Господи, что я это не выдумываю, а что это все носится въ воздухѣ около меня, и мнѣ надо только смотрѣть и вдумываться“...

Гончарова часто упрекали въ „обломовщинѣ“—въ томъ, что онъ, создавъ безсмертный типъ Обломова, „списалъ“ его съ себя, и что онъ былъ малодѣятеленъ, ибо написалъ только три романа... Но говорившіе это забывали, что три романа Гончарова по громадности своего захвата и по своему значенію стѣяютъ десяти иныхъ романовъ, и что дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ.

Говорить, что Гончаровымъ написано очень мало, можно только при незнакомствѣ съ его произведеніями. Авторъ „Обломова“ писалъ изумительно сжато, ухитряясь вложить въ рамку одного романа бездну психологическаго и бытоваго матеріала, котораго хватило бы у другого беллетриста на добрый десятокъ романовъ и повѣстей. Гончаровъ, какъ старинные мастера живописи, творилъ только послѣ добросовѣстнаго и всесторонняго изслѣдованія

сюжета. Ему было необходимо совершенно сжиться съ воспроизводимыми образами, а на все это, конечно, требовалось много времени. Кромѣ того, Гончаровъ вообще былъ способенъ только на громадныя полотна, на широкій захватъ. И если у него не было въ запасѣ крупныхъ темъ и картинъ, онъ предпочиталъ молчать. И несомнѣнно только поэтому онъ и промолчалъ почти всю послѣднюю эпоху его жизни въ тѣсной и одинокой квартирѣ на Моховой.

Столѣтіе со дня рожденія И. А. Гончарова предположено ознаменовать сооруженіемъ на его родинѣ особаго учрежденія въ его память. Симбирская ученая архивная коммиссія открыла Высочайше разрѣшенную подписку для сооруженія памятника знаменитому уроженцу Симбирска. Проектируется создать памятникъ-зданіе, подъ кровлей котораго будутъ помѣщаться библиотека, музей и художественно-промышленная школа.

Помимо подписки, было рѣшено увеличить притокъ средствъ на созданіе этого памятника различными другими способами: лекціями, концертами, спектаклями и т. п. Этой же цѣли служила бывшая истекшей зимой въ Петербургѣ „Гончаровская выставка картинъ и этюдовъ Волги и Поволжья“ художниковъ П. И. Пузыревскаго и Д. И. Архангельскаго. Въ настоящемъ № нашего журнала мы воспроизводимъ нѣкоторыя изъ картинъ съ этой выставки, исполненныя П. И. Пузыревскимъ.

„Гончаровская выставка“ была составлена изъ этюдовъ и картинъ, изображающихъ исключительно Волгу и Поволжье въ томъ районѣ, гдѣ родился, воспитывался и черпалъ матеріалъ для своихъ будущихъ произведеній нашъ знаменитый писатель-художникъ. П. И. Пузыревскій перенесъ на полотно виды тѣхъ мѣстностей, вверхъ и внизъ по Волгѣ отъ Симбирска, куда совершалъ свои поѣздки и прогулки Гончаровъ, и которыя были всегда дороги его сердцу, какъ мѣста его родины и его дѣтскихъ и юношескихъ воспоминаній.

Но, кромѣ того, нѣкоторыя изъ этихъ мѣстностей, увѣковѣченныя художникомъ, имѣютъ еще и, такъ сказать, литературный интересъ: онѣ изображаютъ мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе романа „Обрывъ“. Какъ извѣстно, мѣста эти были списаны Гончаровымъ съ натуры. Знаменитый „обрывъ“, на примѣръ, существуетъ въ дѣйствительности близъ деревни Киндяковки около Симбирска. Художникъ такимъ образомъ совершилъ кистью ту же работу, которую совершилъ Гончаровъ перомъ. И картины его, независимо отъ своихъ чисто-художественныхъ достоинствъ и своего географическаго интереса, являются иллюстраціями къ „Обрыву“.

Вотъ, на примѣръ, самый этотъ „обрывъ“. Въ романѣ о немъ говорится слѣдующее:

„Объ этомъ обрывѣ осталось печальное преданіе въ Малиновкѣ и во всемъ околоткѣ. Тамъ, на днѣ его, среди кустовъ, еще при жизни отца и матери Райскаго, убилъ за невѣрность жену и соперника и тутъ же самъ зарѣзался одинъ ревнивый мужъ, портной изъ города. Самоубійцу тутъ и зарыли на мѣстѣ преступленія“.

Далѣе—„Киндяковская часовня“:

„Въ нашемъ губернскомъ городѣ была своя отдѣльная масонская ложа. Въ этой часовнѣ происходили собранія ложи“. („Воспоминанія“ Гончарова).

Затѣмъ предъ нами мѣсто въ самомъ городѣ. („Въ утренней синевѣ“) на такъ называемомъ „Вѣнцѣ“, откуда открывается прекрасный видъ на Волгу. Изображенное художникомъ мѣсто это находится близъ бывшей усадебной земли Гончаровыхъ. Знаменитый писатель любилъ смотрѣть отсюда на Волгу.

Наконецъ среди картинъ худ. Пузыревскаго мы встрѣчаемъ и описанную въ „Обрывѣ“ заводъ на Поповомъ островѣ, куда ѣздила на пикники Бережкова съ внуками, и гдѣ охотился и встрѣчался съ Вѣрой Маркъ Волоховъ.

Въ общемъ, эти картины даютъ полное представленіе о родинѣ Гончарова, которую онъ такъ любилъ и такъ художественно описалъ въ видѣ прелестной рамки къ русской провинціальной жизни сороковыхъ годовъ. Независимо отъ всего прочаго, онѣ сами по себѣ представляютъ прекрасный памятникъ Гончарову, умѣстный и даже необходимый теперь, въ юбилейный годъ его рожденія.

Л. А. Мей. (Портр. на стр. 443).

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 16 мая 1862 года, скончался извѣстный русскій поэтъ—Левъ Александровичъ Мей.

Читателямъ „Нивы“ это имя хорошо знакомо: сочиненія Мея были даны въ прошломъ году въ качествѣ приложенія къ нашему журналу.

Крупный талантъ, виртуозъ стиха, Мей въ свое время стоялъ какъ-то въ тѣни въ современной ему литературѣ, и только позднѣйшія времена выдвинули его красивое и оригинальное творчество на свѣтъ и поставили его имя въ одинъ рядъ съ выдающимися представителями русскаго Парнаса.

Извѣстный критикъ Аполлонъ Григорьевъ опредѣлилъ Мея,

как „литературное явление, пропущенное критикою“. Почему пропущенное? Отвѣта тогда не было дано на это. И только наше поколѣніе возстановило Мей въ его литературныхъ правахъ и преимуществахъ и любовно перечитываетъ его красивыя поэмы и пѣсни и слагаетъ къ нимъ музыку. Драмы Мей „Пековитянка“ и „Царская невѣста“ превращены въ оперы, пѣсни и стихотворенія его—въ романсы. Нечувствительно и незамѣтно Мей давно вошелъ въ плоть и кровь русской художественной жизни.

Л. А. Мей родился въ 1822 году въ Москвѣ. Образование онъ получилъ въ Царскосельскомъ лицѣѣ,—тамъ же, гдѣ и Пушкинъ, и явился какъ бы продолжателемъ поэтическихъ традицій въ этомъ лицѣѣ, завѣщанныхъ тамъ нашимъ великимъ поэтомъ.

Безпорядочная жизнь и пристрастіе къ вину сократили жизнь Мей. Онъ умеръ всего сорока лѣтъ, не сказавъ малой доли того, что онъ долженъ былъ сказать и оставить послѣ себя въ наслѣдіе художественной литературѣ.

Но и эта малая доля имѣетъ большое литературное значеніе. Цѣлый букетъ прелестныхъ стихотвореній, которыя можно назвать настоящими мелодіями—такъ они музыкальны, великолѣпные переводы изъ иностранныхъ поэтовъ,—переводы, въ которыхъ Мей рѣшительно не зналъ соперника, историческія драмы—„Царская невѣста“, „Пековитянка“ и „Сервилія“ и наконецъ талантливыя и колоритныя прозаическія произведенія—разказы и повѣсти—вотъ то наслѣдство, которое Мей оставилъ русской литературѣ за 22 года своего литературнаго труда.

Протекшіе со дня смерти Мей пятьдесятъ лѣтъ должны повлечь за собой еще большее торжество его таланта, богатаго и гибкаго и умѣвшаго извлекать сіяющіе перлы красоты изъ тьмы временъ и изъ нѣдръ челоувѣческаго духа...

Кровавый день въ Будапештѣ.

(Политическое обозрѣніе).

Совершенно неожиданно въ столицѣ Венгріи разразились кровавыя событія. Въ теченіе цѣлаго дня по улицамъ и окраинамъ Будапешта бушевала революціонно настроенная стотысячная толпа рабочихъ, ремесленниковъ, учащейся молодежи и солидныхъ горожанъ, вступала въ борьбу съ преграждавшими ей путь войсковыми частями, устраивала баррикады, выворачивала фонари, разбивала стекла въ домахъ ненавистныхъ политическихъ дѣятелей, нападала на полицію, осыпала револьверными выстрѣлами пѣхоту и кавалерію и пр., и пр.

Несмотря на дѣятельную охрану поднятыхъ на ноги войскъ, толпѣ удалось совершенно прекратить трамвайное движеніе, привести въ бездѣйствіе газовый заводъ и погрузить городъ въ полный мракъ, озаряемый только заревомъ пожаровъ отъ подожженныхъ дровяныхъ и угольныхъ складовъ. Конечно, все это еще не революція, потому что бушующій потокъ народнаго мятежа не направился на главный центръ политической жизни страны—на парламентъ, предусмотрительно окруженный со всѣхъ сторонъ желѣзнымъ кольцомъ войскъ съ пулеметами и артиллеріею,—но во всякомъ случаѣ нѣчто весьма близкое къ революціи, потому что народное возмущеніе было вызвано несомнѣнно чисто политическими мотивами и разлилось по всему городу только вслѣдствіе того, что не было въ силахъ одолѣть заранѣе мобилизованную военную охрану парламента. Но относительная сила и слабость одной волны еще не опредѣляетъ опасности бури. Пока есть волненіе въ народѣ, пока массы населенія охвачены чувствомъ вражды и негодованія къ правительству,—такія волны возникаютъ одна за другою, слабыя смѣняются сильными и въ концѣ концовъ все-таки побѣдоносно расшатываютъ устои власти и порядка. Раньше чѣмъ пришедшая съ предмѣстій толпа санкюлотовъ побѣдоносно овладѣла Тюльери, сколько мятежныхъ скопищъ городской черни было разогнано отрядами королевской гвардіи! Несчастіе въ томъ, что уличныя побѣды войскъ надъ своими согражданами никогда не даютъ сколько-нибудь прочныхъ результатовъ и завтра же могутъ замѣниться пораженіями. Въ борьбѣ съ революціей все сводится къ психологій массъ, къ хаотической логикѣ настроеній, которыя могутъ подъ впечатлѣніемъ какихъ-нибудь событій или безслѣдно разсѣяться, или же властно захватить новые слои населенія и даже самую армію, неожиданно примыкающую къ мятежникамъ, когда они выражаютъ назрѣвшія, но неудовлетворенныя требованія всей страны и всего народа.

Есть основаніе подозрѣвать, что именно въ такомъ затруднительномъ положеніи находится въ настоящее время вся Венгрія. Нынѣшнія событія представляютъ собою только прямое слѣдствіе того внутренняго, безконечно обострившагося, конституціоннаго кризиса, о которомъ мы недавно говорили по поводу отставки кабинета графа Куна-Гедервари. Утвердившись во главѣ правительства путемъ дотолѣ неслыханныхъ военно-полицейскихъ насилій надъ избирателями, графъ въ концѣ концовъ былъ вынужденъ капитулировать передъ парламентскою оппозиціей, выражавшей волю страны, и, примирившись съ ея вождями, связалъ судьбу обѣщаннаго императору военнаго законопроекта съ проведеніемъ широкой избирательной реформы. Неодобреніе этой единственно возможной комбинаціи въ Вѣнѣ вызвало отставку графа Гедервари и дало толчокъ къ обостренію борьбы на улицахъ Будапешта. Забывъ о своихъ обѣщаніяхъ удовлетворить требованіе народа о всеобщемъ избирательномъ правѣ, корона вошла въ союзъ съ господствующей въ парламентахъ шляхетскою олигархіей противъ венгерской демократіи и заручилась отъ нынѣшняго угодливаго большинства обязательствомъ провести законъ объ усиленіи контингента новобранцевъ безъ избирательной реформы. Проведеніе этой новой комбинаціи выпало на долю графа Тиссы, избраннаго президентомъ парламента съ специальною цѣлью сломить обструкцію и привести демократическую оппозицію къ повиненію олигархическому большинству. „Кровавый“ Тисса, прозванный такъ за свои прежніе подвиги, сразу повелъ предсѣдательство весьма круто и съ полнымъ презрѣніемъ къ требованіямъ наказа и закона сталъ удалять ораторовъ оппозиціи одного за другимъ по всякому поводу на цѣлые десятки засѣданій. Оппозиція была искусственно изгнана имъ изъ парламента на улицу и тотчасъ же приняла характеръ широкаго демонстративно-революціоннаго движенія. Ужасы уличнаго кровопролитія не испугали и не смутили новаго президента. Въ лицѣ „кроваваго“ графа венгерская шляхетская олигархія нашла своего героя. Когда оппозиціонные депутаты потребовали прекращенія засѣданія по случаю разыгрывающихся за стѣнами парламента ужасовъ уличной бойни, рѣшительный предсѣдатель отвѣтилъ имъ классическимъ изреченіемъ: „я не закрою засѣданія парламента даже тогда, если войска ворвутся въ нашу залу и уложатъ изъ васъ сотню челоувѣкъ“. Засѣданіе дѣйствительно продолжалось подъ аккомпанементъ залповъ и ревъ толпы, но слишкомъ ужъ откровенно-рѣзкое заявленіе предсѣдателя возымѣло обратное дѣйствіе на депутатовъ, и разединившіяся по вопросу объ избирательной реформѣ оппозиціонныя партіи объединились вновь и рѣшительно встали на поддержку демократической группы Юста.

Л. А. Мей
(1862—1912)

Внутренній смыслъ и значеніе пережитыхъ событій сводится, въ сущности, къ широкой демократизаціи націоналистическихъ теченій въ Венгрію. Въ лицѣ демократа доктора Юста въ борьбу за венгерскую національность выступаютъ уже не шляхта, не землевладѣльческіе элементы, не крупныя магнаты, а вся венгерская демократія, не исключая и социалистовъ, принявшихъ въ національномъ движеніи самое энергичное участіе. Всякая конституція бессильна, если она не имѣетъ опоры въ народѣ. Пока назначаемые изъ Вѣны министры имѣли дѣло только съ малочисленной венгерскою шляхтой, безсильной и ничтожной въ смыслѣ сопротивленія насилію, они могли спокойно проводить выборы по своему вкусу, открыто попирая законъ и производить публичное насиліе надъ избирателями, но когда къ участію въ выборахъ будетъ призванъ весь народъ, подобныя насилія сдѣлаются неравненно болѣе трудно-осуществимыми и рискованными. Националь-демократическая партія д-ра Юста передаетъ защиту національныхъ правъ Венгріи въ руки демократіи и, въ сущности, грозитъ коронѣ возобновленіемъ революціи 48 года, но въ несравненно болѣе увеличенныхъ и ужасающихъ размѣрахъ.

Къ рисункамъ.

Художникъ Н. Богдановъ-Бѣльскій охотно изображаетъ въ своихъ картинахъ народный бытъ и типы. Деревенскія сцены, жизнь крестьянской дѣтвора, сельская интеллигенція—учителя и учительницы—таковы излюбленные сюжеты его творчества.

Воспроизводимая въ настоящемъ № „Нивы“ его картина „*За чтеніемъ*“ относится къ тому же жанру. Двѣ деревенскія дѣвочки-школьницы углубились въ книжку: урокъ ли онѣ учать, просто ли читаютъ что-нибудь занимательное — художникъ этого не договариваетъ, но сосредоточенное выраженіе дѣтскаго вниманія передано имъ съ необыкновенной живостью.

„*Торговая сторона Великаго Новгорода*“ — интересный историческій жанръ. Художникъ К. Лебедевъ, знатокъ древне-русской жизни, изображаетъ набережную въ старомъ Новгородѣ въ тѣ времена, когда онъ еще велъ ганзейскую торговлю и принималъ у себя нѣмецкіе корабли изъ Любека, Бремена и Гамбурга и самъ отправлялъ въ гости къ нѣмцамъ свои струги и ладьи. Возсозданная К. Лебедевымъ картина торговой жизни Новгорода полна оживленія: раззолоченныя кормы кораблей, тюки товара, русскіе и нѣмецкіе мореходы, снующіе по мосткамъ и по набережной, городскія власти, явившіяся взимать съ прибывшихъ товаровъ пошлину, — все это сливается въ яркой, красочной симфоніи и ласкаетъ взглядъ своеобразной красотой...

„*Встрѣча Данте съ Беатриче*“, — картина худ. Р. Собри, изображаетъ мимолетную встрѣчу великаго итальянскаго поэта съ его возлюбленной — Беатриче Портинари. Въ этомъ мимолетномъ свиданіи — и радость общенія и залогъ будущаго страданія. Любовь Данте къ Беатриче была, какъ извѣстно, тягчайшей мукой его жизни, въ особенности послѣ того, какъ Беатриче вышла замужъ за другого, а Данте остался въ своемъ страдальческомъ одиночествѣ...

„*Исповѣдь Амура*“, — изящная картина В. Бугро, — носитъ характеръ граціозной и легкой символичности. Молодыя женщины признаются богу любви въ своихъ страданіяхъ и радостяхъ. И насмѣшливый божокъ внимательно выслушиваетъ своихъ исповѣдницъ и, быть-можетъ, не прочь между дѣломъ еще разъ уколоть кое-кого изъ-нихъ своей ядовитой стрѣлой...

С М Ъ С Ъ.

Исторія рыцаря Ланвера. Во время третьяго крестоваго похода (1187—1192 гг.) французы подъ предводительствомъ своего короля Филиппа II, въ союзѣ съ англичанами, которыми предводительствовалъ знаменитый Ричардъ Львиное Сердце, осаждали городъ Акру. Осада продолжалась уже пятнадцать мѣсяцевъ, а городъ все не сдавался, и среди крестоносцевъ начали распространяться тревожные слухи о томъ, что городъ снабженъ всеми припасами, боевыми и пищевыми, въ такомъ изобиліи, что можетъ продержаться еще много лѣтъ; что осада такого мѣста — напрасная трата силъ и человѣческихъ жизней, и что надо бросить ее и вернуться домой. Вожди крестоносцевъ взвѣсили такое положеніе вещей и порѣшили, что надо непременно и во что бы то ни стало разузнать — каково дѣйствительное положеніе города, точно ли онъ такъ надежно снабженъ всемъ необходимымъ, чтобы выдержать очень долгую осаду. Но для этого надо было найти человѣка, который бы проникъ въ городъ и все высмотрѣлъ. Такіе смѣльчаки находились раньше, но сарацины узнавали ихъ, отрубали имъ головы и швыряли эти головы въ станъ крестоносцевъ въ доказательство своей бдительности. Немудрено, что новыхъ охотниковъ на это опасное соглядатайство не находилось.

Однажды къ королю Филиппу явился простой солдатъ, только-что прибывшій изъ Франціи. Онъ вызвался проникнуть въ Акру и доставить нужныя свѣдѣнія. Свое имя и происхожденіе онъ обѣщалъ объявить имъ лишь тогда, когда ему удастся благополучно выполнить свое предпріятіе.

На другой день въ виду города въ лагерѣ крестоносцевъ были выстроены подмостки для казни; на подмосткахъ установили плаху. Привели какого-то связаннаго солдата, вывели его на эшафотъ, а вокругъ эшафота разставили широкимъ кругомъ войска. Сарацины, у которыхъ все это происходило на виду, съ большимъ любопытствомъ слѣдили за казнью. Палачъ подаль знакъ своимъ помощни-

камъ, чтобы тѣ уложили связаннаго преступника на плаху по всемъ правиламъ искусства. Но въ этотъ моментъ осужденный рванулся со всею силою отчаянія; ему удалось перервать свои узы, освободить руки. Онъ выхватилъ мечъ изъ рукъ палача и бѣшено, размахивая имъ, прочистилъ себѣ дорогу сквозь толпу палачей и вонновъ, пораженныхъ его неожиданнымъ натискомъ, и побѣжалъ къ городу. За нимъ, конечно, гналась огромная толпа крестоносцевъ, но навстрѣчу имъ изъ города выбѣжала толпа вооруженныхъ сарациновъ, и крестоносцы принуждены были податься передъ непріятелемъ, оказавшимся гораздо многочисленнѣе.

Вся эта сцена казни была придумана и ловко выполнена по плану добровольца-лазутчика. Благодаря этой уловкѣ, онъ проникъ въ Акру. При первыхъ же разпросахъ онъ объявилъ сарацинамъ, что былъ осужденъ на казнь за оскорбленіе, нанесенное одному изъ начальствующихъ лицъ, и что теперь, спасшись отъ казни, онъ кипитъ жаждою мщенія и готовъ сражаться противъ своихъ. Ему повѣрили и приняли въ ряды войска, и такимъ путемъ онъ могъ все высмотрѣть и съ точностью разузнать положеніе осажденнаго города.

Черезъ три недѣли, выбравъ темную ночь, онъ удачно бѣжалъ изъ города, вернулся въ лагерь крестоносцевъ и далъ обстоятельный отчетъ обо всемъ, что ему удалось видѣть. Теперь все слабѣя мѣста непріятели были хорошо извѣстны крестоносцамъ; они возобновили нападенія и вели ихъ съ большимъ, чѣмъ прежде, успѣхомъ. Кромѣ того, они знали, что запасы въ городѣ далеко не такъ велики, какъ раньше утверждали, и что ихъ хватить очень не надолго. И въ самомъ дѣлѣ въ іюль 1191 года городъ сдался. Тогда только таинственный доброволецъ-лазутчикъ согласился наконецъ объявить свое имя. Это былъ французскій дворянинъ и рыцарь Эмиш де-Ланверъ. Когда-то, въ порывѣ безумнаго гнѣва, онъ убилъ свою жену и за это былъ подвергнутъ изгнанію и отлученію отъ церкви. Терзаемый угрызеніями совѣсти, онъ совершилъ пѣшее странствованіе въ Римъ. Папа посулилъ ему отпущеніе его тяжкаго грѣха, если онъ окажетъ какую-нибудь выдающуюся заслугу въ борьбѣ христіанъ съ невѣрными въ Святой Землѣ. Такимъ подвигомъ и явилась его продѣлка подъ Акрою.

Про рыцаря Ланвера и его подвигъ была сложена поэма, въ которой къ дѣйствительнымъ событіямъ была прибавлена особая романтическая развязка. Въ этой поэмѣ рыцарь только думаетъ, что онъ убилъ жену, на самомъ же дѣлѣ онъ ее только тяжело ранилъ. Ее, раненую, берутъ въ монастырь, и тамъ удается спасти ей жизнь. Рыцарь, по возвращеніи изъ крестоваго похода, покрытый славой, успокоенный отпущеніемъ своего грѣха, находитъ свою жену живой, здоровой и цвѣтущей.

Самоубійство скорпіона. Въ массѣ небывлицъ, которыя знаменитый Плиній внесъ въ свою книгу, долго служившую самымъ авторитетнымъ трудомъ по естествознанію и вообще міровѣднью, находится, между прочимъ, и рассказъ о томъ, будто скорпіонъ, будучи поставленъ въ такія условія, когда смерть представляется ему неизбежною (напр., когда его посадятъ въ замкнутый кругъ пылающихъ углей), самъ себѣ наноситъ смертельный ударъ своимъ страшнымъ хвостовымъ крючкомъ. Этотъ рассказъ считали чистою басней. Однако недавно появилось сообщеніе одного французскаго миссіонера, долго жившаго въ странѣ, изобилующей скорпіонами. Онъ вспомнилъ рассказъ о самоубійствѣ скорпіона и вздумалъ его проверить. Онъ избралъ для этого и способъ, обычно приводимый въ рассказѣ. Составилъ замкнутый кругъ изъ пылающихъ углей и въ серединѣ его посадилъ скорпіона. Скорпіонъ подползъ къ лѣвому краю круга и, почувявъ жаръ, бросился въ противоположную сторону, но тамъ его встрѣтило такое же препятствіе. Онъ еще много разъ кидался въ разныя стороны и наконецъ, повидимому, убілся въ томъ, что спасенія нѣтъ. Тогда онъ отползъ къ серединѣ круга и ухватился на клочекъ бумаги, который случайно попалъ въ кругъ. Онъ поднялъ брюшко и уставилъ конецъ жала въ свою голову. Но голова у него покрыта твердымъ панциремъ, и жало не могло его сразу пробить. Тогда скорпіонъ началъ ворочать жаломъ, какъ ворочаетъ сапожникъ шиломъ, когда надо проколоть твердую кожу. Послѣ нѣкотораго усилія ему удалось просверлить себѣ черепъ, и онъ тутъ же издохъ.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1912 г.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургѣ... **6 р. 50 к.** Безъ доставки въ
МОСКВѣ въ конторѣ
Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскія линіи. **7 р. 25 к.** Безъ доставки въ
ОДЕССѣ въ кн. маг.
ОБРАЗОВАНИЕ,
Ришельевская, 12. **7 р. 50 к.** Съ достав-
кою въ Пе-
тербургѣ... **7 р. 50 к.** Съ пересылкою
во все мѣсто-
сти Россіи... **8 р.** За гра-
ницу... **12 р.**

Допускается разсрочка. При перемѣнѣ адреса гг. подписчики, какъ иногородные, такъ и городскіе, благоволятъ присылать печатный адресъ съ бандероли «Нивы» (въ случаѣ неимѣнія такового — сообщать, кромѣ новаго, и прежній подробный адресъ) и прилагать 28 коп. (можно почтовыми марками) на типографскіе расходы. Сообщать № печатнаго адреса съ бандероли гг. подписчики благоволятъ при всѣхъ заказахъ, требованіяхъ, заявленіяхъ, запросахъ и пр.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Избалованный. Веселая повѣсть въ духѣ времени. Ал. Лугового. (Продолженіе). — Шарманница. Стихотвореніе Сергѣя Городецкаго. — Горный походъ. Разсказъ И. Чеха. (Продолженіе). — Разбойничья нора. Разсказъ А. С. Панкратова. (Окончаніе). — Выставка „Устройство и оборудованіе школы“. — И. А. Гончаровъ. — Л. А. Мей. — Кровавый день въ Будапештѣ. (Политическое обозрѣніе). — Къ рисункамъ. — Смѣсь. — Объявленія. (10 рисунковъ). — Выставка „Устройство и оборудованіе школы“ (9 рисунковъ). — Л. А. Мей.
Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат.-научно и популярныя приложения“ за Іюнь 1912 г.; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Іюнь 1912 г. съ 44 рис. и отдѣльн. листъ съ 32 черт. выкр. въ натур. величину и 25 рис. выжиганія по дереву.

Редакторъ-Изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.